

В4767/II-2

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- a) МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.
- b) ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО МАРКСИЗМА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъячская, 39.

1910.

В.4767

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресога.

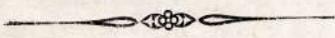

Томъ II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- a) МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ.
- b) ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО МАРКСИЗМА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.

1910.

Оглавление.

т. II. ч. II.

	СТР.
I. Массовое движение (продолжение).	
Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ. Движение землевладельцев	1
А. ЕРМАНСКИЙ. Крупная буржуазия.	
1. Периодъ либеральныхъ записокъ	30
2. Отношеніе къ рабочему вопросу въ периодъ либеральныхъ записокъ	41
3. Отношеніе къ Госуд. Думѣ. Партийныя образованія въ средѣ крупной буржуазіи	50
4. Выступленія городскихъ самоуправленій. Съѣзды городскихъ дѣятелей	60
5. Союзы работодателей. Локауты	70
6. Всероссийское объединеніе капитала	86
7. Заключение	97
Ф. ДАНЪ. Очеркъ политической эволюціи буржуазныхъ элементовъ городского населенія	101
Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Движеніе интеллигенціи.	
1. До 9 января	146
2. Послѣ 9 января	163
3. Образованіе интеллигентскихъ союзовъ и ихъ платформы	170
4. Отъ Манифеста 6 августа до Манифеста 17 октября	183
5. Послѣ 17 октября	196
II. МАСЛОВЪ. Крестьянское движение.	
1. Экономическое положеніе крестьянъ въ началѣ столѣтія	202
1905 годъ.	
2. Начало движенія	209
3. Причины движенія	229
4. Отношеніе Правительства и политическихъ партій къ движенію	233
5. Крестьянскій союзъ	236
6. Крестьянское движеніе послѣ 17 октября	239

1906 годъ.

1. Выборы въ Государственную Думу и наказы	263
2. Крестьянское движеніе въ 1906 году	267
3. Конецъ и результаты крестьянскаго движенія	277

Приложеніе.

А. МАРТЫНОВЪ. Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма.

1. Группа Освобожденія труда	285
2.-90-ые годы	304
3. Переходное время (1900—1903)	323

Л. Н. М. т.

стр

I. МАРКОВЪ (1881—1906)

1. Введение	33
2. Начало деятельности	41
3. Отношенія къ рабочему вопросу въ периодъ подготовки къ революціи	50
4. Отношенія къ рабочему вопросу въ периодъ революціи	60
5. Отношенія къ рабочему вопросу въ послѣдній періодъ жизни	70
6. Историческое значеніе	83
7. Заключение	87

II. ПЕТРОВЪ (1881—1906)

1. Введение	91
2. Начало деятельности	98
3. Отношенія къ рабочему вопросу въ послѣдній періодъ жизни	103
4. Историческое значеніе	170
5. Заключение	181
6. Заключение	193

III. МАСЛОВЪ (1881—1906)

1. Введение	202
2. Начало деятельности	203
3. Отношенія къ рабочему вопросу въ послѣдній періодъ жизни	223
4. Историческое значеніе	232
5. Заключение	238
6. Заключение	242

А. МАРТЫНОВЪ.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма.

І. Группа освобожденія труда.

Критика „Народной Воли“. Борьба съ народничествомъ. Национальныя особенности русской революціи.

Марксизмъ съ самаго начала выступалъ у насъ не какъ абстрактное ученіе о капиталистическомъ обществѣ, о борьбѣ труда съ капиталомъ, а какъ единственный конкретный и непротиворѣчивый отвѣтъ на вопросы, выдвинутые нашей «самобытной» дѣйствительностью и именно практикой движенія 1870—1880 гг.

Революціонное народничество въ концѣ 70-хъ гг. практически обанкротилось еще раньше, чѣмъ оно было теоретически опровергнуто. Безплодность социально-революціонной работы въ деревнѣ, гдѣ пропагандисты, по выраженію № 1 «Народной Воли», «бились, какъ рыба объ ледь», и жестокія преслѣдованія правительства положили конецъ «хожденію въ народъ» разночинной интеллигенціи и вовлекли ее стихійно въ террористическую борьбу, т. е. фактически въ борьбу съ абсолютизмомъ, вопреки господствовавшей въ ея средѣ теоріи, которая отрицала всякое государство и всякую «политику».

Практически дѣло революціоннаго народничества было проиграно. Но революціонеры, выступившіе инстинктивно на новый путь политической борьбы, первоначально даже не изъ общеполитическихъ мотивовъ, а изъ чувства мести и ради огражденія чести партіи, продолжали оставаться на старой теоретической почвѣ баунизма. Создалось, такимъ образомъ, противорѣчіе между теоріей и практикой.

Вотъ это-то противорѣчіе побудило небольшую группу народниковъ-чернопередѣльцевъ, оставшихся вѣрными старому принципу, что «освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса», и «раздражавшихся непослѣдовательностью» террористовъ, приступить къ «внимательному изученію социальнаго вопроса» за границей.

Первоначальная цѣль этихъ теоретическихъ изысканій была—болѣе глубокое обоснованіе терявшаго кредитъ народничества, неожиданнымъ результатомъ—капитуляція передъ марксизмомъ, единственнымъ ученіемъ, которое безъ

противорѣчій примиряло политическую борьбу съ принципомъ самоосвобожденія рабочаго класса.

«Споры съ террористами», рассказываетъ Г. В. Плехановъ, «вращавшіеся главнымъ образомъ, вокругъ вопроса о томъ, имѣетъ ли *соціалистъ* право за ниматься *политической борьбой*, заставляли насъ глубже вдуматься въ главнѣйшія теоретическія основы нашего ученія, и тутъ, противъ нашего ожиданія, въ глубинѣ нашей души начиналъ пошевеливаться червякъ развѣдающаго сомнѣнія»¹⁾.

Ближайшее ознакомленіе съ литературой современнаго научнаго социализма за границей весьма скоро разрѣшило эти «сомнѣнія» нашихъ народниковъ-чернопередѣльцевъ въ положительномъ смыслѣ. «По крайней мѣрѣ, о себѣ я могу съ увѣренностью сказать», говоритъ Г. В. Плехановъ, «что уже ко времени выхода второго номера «Чернаго Передѣла», т. е. лѣтомъ... 1880 г., я былъ уже едва ли не на половину социалдемократомъ»²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что *марксизмъ и народовольчество были у насъ почти историческими близнецами*. Та же самая причина—обнаружившіяся на опытѣ безсиліе бунтарства и неизбѣжность для социалистовъ борьбы за политическую свободу—породила почти одновременно и *практику* народовольцевъ, завоевавшихъ себѣ быстро симпатіи революціонеровъ и относившихся весьма беззаботно ко всякимъ теоріямъ, и *теоретическую* эволюцію небольшой группы революціонеровъ въ сторону марксизма, закончившуюся въ періодъ упадка «Народной Воли», послѣ чего понадобилось еще 10 лѣтъ пропаганды чтобы новое ученіе претворилось въ широкое практическое движеніе.

Сознаніе необходимости политической борьбы, до котораго народовольцы дошли эмпирически, оцупью, а бывшіе чернопредѣльцы теоретически, до извѣстной степени примирило и сблизило ихъ между собой, но только до извѣстной степени. Пока народовольцы вели героическое единоборство съ абсолютизмомъ, пока они дѣлали исторію, піонеры марксизма не подвергали критикѣ ихъ противорѣчивую и устарѣлую теоретическую позицію, чтобы не бросать палки подъ колеса единственной въ то время активной партіи. Но теоретическая безпринципность народовольцевъ скоро дала себя почувствовать на практикѣ. Когда, послѣ 1-го марта 1881 г., террористическіе ресурсы «Народной Воли» были истощены, когда, параллельно и въ тѣсной связи съ упадкомъ революціонной энергіи, у вождей ея стали роиться фантастическіе планы «захвата власти» социалистами, наши первые марксисты ясно поняли, что народническіе теоретическіе предрасудки составляютъ непреодолимое препятствіе для развитія революціоннаго движенія и что выходъ изъ тупика, въ которомъ очутилась «Народная Воля», возможенъ только въ томъ случаѣ, если она окончательно порветъ съ самобытной народнической теоріей и станетъ на точку зрѣнія современнаго научнаго социализма.

Тогда марксисты и рѣшили открыто выступить у насъ съ критикой баку-

¹⁾ См. Г. В. Плехановъ. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей „Вѣстника Народной Воли“. „Искра“, № 54, 1-го декабря 1903 г.

²⁾ Ibid.

нистской теории и заговорщицкой тактики и съ пропагандой научнаго социализма. Эта критика, данная въ брошюрѣ Г. В. Плеханова «Социализмъ и политическая борьба», преслѣдовала цѣль не разрушенія партіи «Народной Воли», а, напротивъ, ея возрожденія, и она была еще настолько благожелательна, что должна была, по соглашенію съ Л. Тихомировымъ, появиться въ 1-ой книжкѣ «Вѣстника Народной Воли», въ редакцію котораго вслѣдъ за С. Кравчинскимъ и П. Лавровымъ вступилъ по приглашенію и Г. В. Плехановъ ¹⁾...

Въ своей брошюрѣ «Социализмъ и политическая борьба», Г. В. Плехановъ опровергаетъ, во 1-хъ, теоретически тѣ бунтарскіе предразсудки противъ политической борьбы, отъ которыхъ народовольцы уже практически отказались; во 2-хъ, тѣ утопическіе взгляды на осуществленіе социализма, которыхъ народовольцы еще придерживались и которые мѣшали имъ вести политическую борьбу въ цѣлесообразныхъ формахъ. «Типичнымъ образчикомъ этихъ взглядовъ было извѣстное пророчество народовольцевъ о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками социальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права»... Эта фикція, хотя и «укрѣпляла временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности» ²⁾, имѣла крайне вредныя практическія послѣдствія.

«Не пора ли, — писалъ Плехановъ въ «Нашихъ разногласіяхъ», — перестать пугать общество появленіемъ «краснаго призрака» съ той стороны, съ которой никогда не можетъ появиться красное знамя рабочаго класса? Толки объ этомъ логически невозможномъ явленіи вредны не по одному тому, что «лишаютъ насъ содѣйствія либераловъ при борьбѣ за конституцію». Они вселяютъ въ насъ ни на чемъ не основанную увѣренность въ томъ, что социалистическая революція «ждетъ» насъ помимо всякихъ усилій съ нашей стороны, отвлекаютъ наше вниманіе отъ самаго важнаго пункта: *организации рабочаго класса для борьбы съ его настоящими будущими врагами*» ³⁾.

Говоря о пропагандированномъ въ «Народной Волѣ захватъ власти, Плехановъ замѣчаетъ: «Мы не принадлежимъ къ числу принципиальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей». По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собой послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, отличается отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ». ⁴⁾

Эта задача, которую себѣ поставила теперь «Народная Воля», подсказывалась ей все той же народнической вѣрой, что отсталая крестьянская Россія находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для социалистической революціи. Основываясь на этой «старой вѣрѣ», народовольцы ставили себѣ фан-

¹⁾ Ibid.

²⁾ См. Г. В. Плехановъ. Социализмъ и политическая борьба. Сочиненія, т. I-й, стр., 160.

³⁾ См. Г. В. Плехановъ. Наши разногласія. Сочиненія, т. I, стр. 311.

⁴⁾ Ibid., стр. 201.

тастическія задачи, которыя въ *последнемъ счетѣ* грозили дезорганизовать больше всего силы революціи.

Плехановъ далѣе показываетъ, что успѣхъ заговора въ условіяхъ данного момента возможенъ лишь цѣною вытравленія изъ него всякаго революціоннаго содержанія; въ случаѣ же сохраненія послѣдняго, заговоръ социалистической интеллигенціи обреченъ на неуспѣхъ.

«Честь сообщенія новаго размаха нашему движенію безспорно принадлежитъ «Народной Волѣ», говоритъ Г. В. Плехановъ, но партія «Народной Воли» есть дѣтище переходнаго времени». Въ ея программѣ еще много фантастическихъ элементовъ, вытекающихъ изъ ея стремленія примирить свою практику съ народнической теоріей, утверждающей, что «старыя формы нашей народной жизни .... могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партіи¹⁾. Отъ этихъ народническихъ предразсудковъ, отъ этого устарѣлаго утопическаго балласта «Народная Воля» должна освободиться, если она не хочетъ идти на встрѣчу своему вырожденію.

«Связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и социалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*. Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые, по словамъ манифеста, «шли рядомъ съ буржуазіей, поскольку она являлась революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, и въ то же время не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата²⁾. «Единственной не фантастической цѣлью русскихъ социалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій, съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей социалистической партіи* Россіи — съ другой»³⁾....

* * *

Надежда нашихъ первыхъ марксистовъ на то, что партія «Народной Воли» усвоитъ точку зрѣнія научнаго социализма и, такимъ образомъ, выйдетъ изъ тупика, не оправдалась и, какъ теперь для насъ ясно, не могла оправдаться.

Народовольчество не было началомъ новой революціонной эры, а послѣднимъ героическимъ усиленіемъ революціонеровъ «старой вѣры» осуществить царство социализма на почвѣ разлагающагося натурального быта крестьянъ. Народовольцы, по удачному выраженію Г. В. Плеханова, «упрашивали старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути». «Отпираясь» отъ хода историческаго развитія вмѣсто того, чтобы «опереться» на него, народовольчество, послѣ ряда поражений, есте-

¹⁾ Ibid., стр. 155, 156, 196, 141.

²⁾ Ibid., стр. 212, 213.

³⁾ Ibid., стр. 288.

ственно, должно было извѣриться въ революціи и причалить къ пристани мелкобуржуазнаго реформизма народниковъ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

Крупнѣйшій народническій публицистъ, Н. К. Михайловскій былъ въ такой же мѣрѣ теоретикомъ революціонныхъ народовольцевъ, мечтавшихъ о захватѣ власти для социалистическаго переворота, какъ и послѣдующаго поколѣнія культурниковъ и либеральныхъ народниковъ, которые противопоставляли созидательную «творческую» силу крестьянства бесплодной «разрушительной» силѣ пролетаріата и готовы были въ большей или меньшей степени поступиться политическими требованіями «общества» для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить «народу» осуществленіе экономическихъ реформъ сверху.

Духъ критики отлетаетъ отъ партіи вмѣстѣ съ духомъ жизни. Какъ разъ въ то самое время, когда стали явно обнаруживаться признаки разложенія партіи «Народной Воли», когда Л. Тихомировъ, какъ онъ впослѣдствіи признался, уже считалъ партію «трупомъ», когда она уже начала заражаться ядомъ дегаевщины, ея руководители особенно укрѣпились въ своихъ теоретическихъ предразсудкахъ и послѣ нѣкоторыхъ колебаній окончательно отказались принять «Группу Освобожденія Труда», какъ таковую, какъ организацію, въ партію ¹⁾.

Марксистамъ очевидно стало, что русское освободительное движеніе нуждается не въ «реформѣ», а въ «революціи», и что насущнѣйшей очередной задачей является теоретическая переоцѣнка всѣхъ старыхъ идейныхъ цѣнностей. За эту работу и взялась «Группа Освобожденія Труда».

Народническое міровоззрѣніе, какъ извѣстно, держалось на двухъ китахъ, на «субъективномъ методѣ» въ социологіи и на «самобытной» теоріи русскаго экономического развитія. Противъ этихъ китовъ концентрировала свою атаку «Гр. Осв. Тр.» въ лицѣ Г. В. Плеханова. Рѣшающее значеніе въ этой войнѣ имѣли два его произведенія—«Наши разногласія» (1884 г.) и «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» Бельтова (1895 г.).

Главный теоретическій грѣхъ «субъективной школы русской социологіи» заключался въ томъ, что она не сумѣла рѣшить и даже правильно поставить вопросъ—объ отношеніи свободы къ необходимости. Этому вопросу уже касаются первыя произведенія Плеханова, специально ему посвящается его книга «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію».

Бельтовъ показываетъ, какъ тщетно пытались рѣшить эту важнѣйшую философскую проблему предтечи марксизма—французскіе матеріалисты XVIII вѣка, французскіе историки временъ реставраціи, социалисты-утописты и нѣмецкая идеалистическая философія, на какія противорѣчія все они наталкивались, и какимъ образомъ эти противорѣчія нашли свое примиреніе и разрѣшеніе въ діалектическомъ матеріализмѣ Маркса и Энгельса. Попутно Бельтовъ показываетъ, какъ наши социологи-субъективисты, претендующіе на самобытность и оригинальность, фактически тащатъ насъ назадъ отъ Маркса и Энгельса черезъ Бруно Бауэра и социалистовъ-утопистовъ къ философіи XVIII вѣка, подтверждая на своемъ собственномъ примѣрѣ слова Н. Михайловскаго: «Мы... играемъ отно-

¹⁾ См. Г. В. Плехановъ. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей „В. Н. В. „Искра“ № 54.

сительно Зап. Европы роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству старомодныя шляпки».

Н. Б. Михайловскій «научно» обосновалъ свою «формулу прогресса» законами физиологій и биологій. Бельтовъ показываетъ, что это мнимо-научное обоснованіе «теоріи прогресса» есть повтореніе неудачной попытки Ог. Кюпта и еще болѣе ранней и столь же неудачной попытки одного сенъ-симониста. Онъ показываетъ, что Михайловскій игнорируетъ особые социологическіе законы и прибѣгаетъ къ поверхностной аналогіи съ естественными науками, даетъ на самомъ дѣлѣ не законы проявляшагося и въ прошлой исторіи общественнаго развитія, а лишь «гигіеническій рецептъ» для этого развитія ¹⁾.

Столь же утопичны всѣ наши «реалистическіе» элементы народническаго міровоззрѣнія.

Николай—онъ и другіе народники-субъективисты считали себя неповинными въ утолизмѣ, потому что они свои «средства для устраненія» капитализма не выдумывали изъ головы, а находили въ «наличныхъ матеріальныхъ условіяхъ производства», въ натуральномъ общинномъ хозяйствѣ нашихъ крестьянъ. Но планы Фурье тоже не противорѣчили «матеріальнымъ условіямъ» современнаго ему производства. Однако, онъ былъ утопистъ. И такіе же утописты они, потому что они разсматриваютъ наши экономическія «условія» таинми, *каковы они есть*, а не таинми, *какими они становятся*, потому что они игнорируютъ связанное съ этимъ направленіе въ развитіи общественныхъ силъ и, подобно Фурье, возлагаютъ свои надежды на общественныя силы, которыя или не смогутъ или не захотятъ осуществить ихъ планы. И жалобы народниковъ на «наши» прошлыя историческія «ошибки», какъ двѣ капли воды напоминаютъ увѣренія Сенъ-Симона, что «во время революціи правительство *по недоразумѣнію* пошло противъ законныхъ требованій промышленниковъ» ²⁾.

Французскіе матеріалисты XVIII в. вращались въ заколдованномъ кругу: они разсматривали «всѣ психическія функціи человѣка, какъ видоизмѣненія ощущеній», и «считали всѣ понятія человѣка результатомъ воздѣйствія на него окружающей среды». Но, будучи чужды идеѣ общественной эволюціи, они, какъ только дѣло касалось исторіи, покидали свою матеріалистическую точку зрѣнія и заявляли, что «міръ (т. е. общественныя отношенія людей) управляется мнѣніемъ» ³⁾.

Марксъ въ свое время указалъ на источникъ этихъ противорѣчій: «Главный недостатокъ матеріализма, до Фейербаховскаго влючительно», говорилъ онъ, «состоялъ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный... міръ лишь въ формѣ *объекта*..., а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности..., не субъективно. Поэтому *дѣятельную* сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно» ⁴⁾. Этотъ недостатокъ въ полной мѣрѣ присущъ и народникамъ-субъективистамъ, разсмат-

¹⁾ См. Бельтовъ. Къ вопр. о развитіи монист. взгляда на исторію. Стр. 54, 55, 57, 58.

²⁾ Ibid. стр. 49, 50, 51.

³⁾ Ibid. стр. 56, 56.

⁴⁾ Ibid. стр. 178, 179 и слѣд.

ривающимъ «народъ» лишь какъ «объектъ» для благотѣльнаго воздѣйствія надклассовой «интеллигенціи». На этомъ заблужденіи П. Лавровъ построилъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ» пресловутую теорію «критически-мыслящихъ личностей», теорію, которую онъ всецѣло заимствовалъ у Бруно Бауэра, раскритикованнаго Марксомъ въ «Die heilige Familie».

Раздѣляться окончательно съ субъективнымъ идеализмомъ при изученіи исторіи, т. е. съ метафизикой, и опредѣлить условія освобожденія русскаго народа, условія, при которыхъ русская «толпа» сама станетъ героемъ историческаго дѣйствія, возможно только, рѣшивши проблему объ отношеніи свободы къ необходимости. Но народники не только не приблизились, но значительно удалились отъ ея рѣшенія по сравненію съ предыдущимъ поколѣніемъ русской передовой интеллигенціи.

Еще въ 1890 г. въ статьяхъ о Н. Г. Чернышевскомъ, а впоследствии въ статьѣ о Бѣлинскомъ, Г. Плехановъ, возстановляя оборвавшуюся нить развитія русской передовой общественной мысли, показывалъ, что эта мысль сдѣлала и чего она не додѣлала въ этой главнѣйшей философской проблемѣ. Въ книгѣ «Къ вопросу о развитіи» онъ показываетъ, какъ этотъ вопросъ пыталась рѣшить и въ концѣ концовъ рѣшила зап.-европейская философская мысль.

Съ точки зрѣнія чисто *антропологической* вопросъ о взаимоотношеніи свободы и необходимости былъ рѣшенъ очень давно. Въ этомъ смыслѣ дали на него правильный отвѣтъ и Спиноза, и Лейбницъ, и матеріалисты XVIII в. «Вообразите», рассуждалъ Спиноза, «что камень мыслить, что онъ сознаетъ свое движеніе, доставляющее ему удовольствіе, но не знаетъ его причины... Какъ представится въ такомъ случаѣ камню его собственное движеніе? Непремѣнно, какъ результатъ его собственного желанія...; онъ скажетъ себѣ: я движусь, потому что я хочу двигаться. Такова и та человѣческая свобода, которой такъ гордятся всѣ люди...» ¹⁾ Спиноза, впрочемъ, различалъ «свободную» дѣятельность человѣка отъ «несвободной». Но различіе съ точки зрѣнія Спинозы тутъ заключается лишь въ томъ, что «несвободный» человѣкъ дѣйствуетъ непосредственно подъ вліяніемъ аффектовъ, «свободный» же человѣкъ дѣйствуетъ на основаніи накопленнаго и переработаннаго имъ опыта, сознавая необходимость своихъ дѣйствій.

Этимъ рѣшался вопросъ съ точки зрѣнія антропологической, т. е. въ примѣненіи къ человѣку, къ извѣстной зоологической особи. Но этимъ онъ еще не рѣшался въ примѣненіи къ человѣческой *исторіи*. Въ исторіи мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльной личностью, а съ массой людей. Чтобы доказать, что и здѣсь свобода *каждаго*, какъ сознаніе необходимости его дѣйствій, не нарушаетъ свободы остальныхъ, необходимо предварительно установить существованіе законмѣрности въ общественныхъ отношеніяхъ людей.

Французскій матеріализмъ XVIII в. не въ состояніи былъ открыть эту законмѣрность, потому что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія абстрактной и неизмѣнной человѣческой природы, потому что ему была чужда идея развитія. Проблему эту сознательно поставила себѣ идеалистическая нѣмецкая философія и въ лицѣ

¹⁾ Ibid. стр. 88, 89, 90.

Гегеля значительно приблизилась къ ея рѣшенію, благодаря тому, что она стала на точку зрѣнія *діалектическую*.

Съ этой діалектической точки зрѣнія «каждое явленіе, дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ силъ, которыя обусловливаютъ его существованіе, рано или поздно, но неизбѣжно превращается въ свою противоположность» ¹⁾. Все въ мірѣ течетъ и измѣняется, причѣмъ *количественныя* измѣненія, постепенно накопляясь, раньше или позже, приводятъ къ *качественнымъ*, эволюція подготавливаетъ революцію. Съ этой точки зрѣнія различныя общественныя формы, смѣняющія другъ друга въ исторіи, нужно разсматривать не какъ рядъ капризныхъ случайностей, не какъ рядъ ошибочныхъ отклоненій общества отъ разъ навсегда даннаго разумнаго идеала, а какъ послѣдовательныя общественныя фазы, связанныя имманентными, внутренними законами развитія.

Признаніемъ объективной законмѣрности общественнаго развитія нѣмецкая діалектическая философія разрушила кучу вреднѣйшихъ предразсудковъ субъективныхъ идеалистовъ.

Какъ же діалектическая философія Гегеля рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи свободы къ необходимости въ исторіи? Люди, говоритъ она, сознательно преслѣдуютъ свои частныя личныя цѣли, но изъ сознательныхъ поступковъ отдѣльныхъ людей необходимо вытекаютъ неожиданныя для нихъ, непредвидѣнныя ими послѣдствія, касающіяся всего общества, т. е., влияющія на совокупность взаимныхъ отношеній тѣхъ же людей. Личная свобода этихъ людей безъ ихъ вѣдома претворяется въ историческую необходимость. Съ теченіемъ времени эта историческая необходимость воплощается въ свободу. Съ теченіемъ времени «люди начинаютъ вдумываться въ свой собственный общественный строй», но только тогда, когда этотъ строй уже отжилъ и готовится уступить мѣсто новому порядку. «Сова Минервы вылетаетъ только ночью». Такимъ образомъ, *въ конечномъ счетѣ* въ исторіи не «мнѣніе», не «философія» обусловливаетъ измѣненіе общественныхъ отношеній, а наоборотъ. Въ исторической, какъ и въ индивидуальной дѣятельности свобода опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, необходимостью. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, однако, что періодическіе полеты «совы Минервы» бесполезны. Напротивъ того, только полеты этой мудрой птицы, только «философія» даетъ твердую опору для цѣлесообразной общественной дѣятельности. Поэтому Гегель приходилъ къ выводу, что «всемирная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы, который мы должны понять въ его необходимости» ²⁾.

Такъ Гегель при помощи діалектики рѣшилъ въ примѣненіи къ исторіи вопросъ объ отношеніи свободы къ необходимости. Однако, онъ рѣшилъ эту проблему лишь *формально*. Онъ лишь установилъ фактъ существованія исторической необходимости, т. е. законмѣрности общественнаго развитія и связь между этимъ развитіемъ и свободой въ исторической дѣятельности. Но онъ не объяснилъ по существу самой природы общественныхъ отношеній, природы исторической необходимости и не могъ этого объяснить, поскольку его философія была *идеалистической*. Велѣдствіе этого онъ окольнымъ путемъ приходилъ, въ концѣ концовъ, къ тому же противорѣчію, изъ котораго не могла выпутаться

¹⁾ Ibid. стр. 64.

²⁾ Ibid. стр. 70, 87, 93, 94.

философія XVIII вѣка. Окольнымъ путемъ олицетворенія процесса нашего логическаго мышленія (т. е. одной изъ сторонъ человѣческой природы) идеалисты-діалектики вернулись къ той же точкѣ зрѣнія матеріалистовъ XVIII в.»¹⁾

Чтобы прорвать заколдованный кругъ, въ которомъ вращалась философская мысль съ XVIII в., нужно было отказаться—окончательно—разъ навсегда отъ попытокъ антропологическаго объясненія исторіи одними свойствами неизмѣнной человѣческой природы, нужно было открыть матеріальную пружину общественнаго развитія, лежащую *въ* человѣка. Это сдѣлали Марксъ и Энгельсъ при помощи метода діалектическаго матеріализма и тѣмъ самымъ окончательно рѣшили проблему. Они показали, что сама природа общественнаго человѣка мѣняется подъ влияніемъ причинъ, лежащихъ *въ* его. «Дѣйствуя на внѣшнюю природу, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу». «Въ этихъ немногихъ словахъ», говоритъ Бельтовъ, «содержится сущность всей исторической теоріи Маркса»²⁾.

Два момента являются, съ точки зрѣнія Маркса, исходной точкой исторіи человѣчества, во 1-хъ, то, что человѣкъ есть *животное общественное*, во 2-хъ, то, что это общественное животное научилось пользоваться *орудіями*, какъ главнымъ средствомъ въ борьбѣ за свое существованіе. «Въ орудіяхъ труда человѣкъ приобретаетъ какъ бы новые органы, измѣняющіе его анатомическое строеніе. Съ того времени, какъ онъ возвысился до ихъ употребленія, онъ придаетъ совершенно новый видъ исторіи своего развитія: прежде она, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ, сводилась къ видоизмѣненіямъ его естественныхъ органовъ; теперь она *становится прежде всего исторіей* усовершенствованія его искусственныхъ органовъ, *роста его производительныхъ силъ*»³⁾.

Ростъ производительныхъ силъ есть *конечная* причина историческаго прогресса. Степень ихъ развитія въ каждую данную историческую эпоху обуславливаетъ опредѣленный способъ общественнаго производства, опредѣленное взаимоотношеніе людей въ процессѣ производства и соответствующую этому идеологическую надстройку—систему правовыхъ учреждений, господствующія этическія понятія и пр. Вся эта идеологическая надстройка, какъ бы «идеально» къ ней ни относились члены даннаго общества, опредѣляется его нуждами и интересами, которые, въ свою очередь, обуславливаются экономической структурой общества. Но идеологическая надстройка общества не есть нѣчто постоянное, она мѣняется и раньше или позже «превращается въ свою противоположность». И Марксъ показываетъ, какъ въ исторіи осуществляется этотъ общій законъ діалектическаго развитія; какъ развитіе производительныхъ силъ подготавливаетъ революцію въ общественныхъ отношеніяхъ, субъективнымъ агентомъ которой являются прогрессивные общественные классы. Классовая борьба заполняетъ всю исторію человѣчества.

Показавши, какъ она обуславливается развитіемъ производительныхъ силъ и какъ она, въ свою очередь, подготавливаетъ и совершаетъ всѣ политическія революціи, Марксъ окончательно заполнилъ пропасть между субъектомъ и объектомъ

¹⁾ Ibid. стр. 95, 96, 98.

²⁾ Ibid. стр. 108.

³⁾ Ibid. стр. 110.

исторической жизни, через которую философия XVIII вѣка не въ состояніи была перекинуть мостъ. Эту марксистскую философію исторіи наши народники отвергали, какъ фаталистическую, обрекающую историческую личность на квіетизмъ. Это обвиненіе, говоритъ Бельтовъ, направлено не по адресу. Въ фатализмъ повинны наши субъективные социологи: «У субъективнаго идеалиста тотчасъ же за стѣнами крошечнаго садика идеала начинается необъятное поле случайности, а, слѣдовательно, и слѣпой необходимости. Діалектической матеріализмъ указываетъ тѣ приемы, съ помощью которыхъ все это необъятное поле можно превратить въ цвѣтущій садъ идеала... средства этого превращенія скрыты въ нѣдрахъ самого того поля, надо только найти ихъ и умѣть воспользоваться ими» ¹⁾.

Г. В. Плехановъ въ своемъ долготѣннемъ спорѣ съ народниками каждый разъ снова и снова возвращался къ разъясненію и иллюстраціи метода діалектическаго матеріализма, и не даромъ. Закоренѣлые навыки субъективнаго метода мышленія, не выходящаго за предѣлы такъ называемаго здраваго смысла, были главной причиной превратнаго пониманія практической программы новаго революціоннаго теченія и стереотипныхъ обвиненій, которыя сыпались на него. Уже въ «Нашихъ разногласіяхъ» Г. Плехановъ извѣстными словами Энгельса охарактеризовалъ этотъ обычный метафизическій способъ разсужденія народниковъ, благодаря которому г. Тихомировъ, вслѣдъ за В. В., утверждалъ, что «людямъ, убѣжденнымъ въ исторической неизбѣжности русскаго капитализма, остается лишь поступать на службу къ рыцарямъ первоначальнаго накопленія» ²⁾. То, что г. Тихомировъ говорилъ въ 1883 г., то въ теченіе десяти лѣтъ на всѣ лады повторяли г.г. Кривенко и К^о, и Бельтову еще и еще разъ приходилось разъяснять народникамъ, что «приспосабливать свои идеалы къ дѣйствительности» еще не значить стать «прислужникомъ лживующихъ», ибо «всякая дѣйствительность антагонистична», что «лживующіе опираются на уже отживающую дѣйствительность, подъ которой зарождается новая, дѣйствительность будущаго» ³⁾.

Нужно было доказать несостоятельность субъективной школы социологін, чтобы подготовить почву для объективной оцѣнки экономическихъ судебъ Россіи. Но само собою разумѣется, что вопросъ объ этихъ судьбахъ и съ марксистской точки зрѣнія могъ быть рѣшенъ только на основаніи конкретнаго анализа дѣйствительности. Иначе смотрѣли на это дѣло народники. Н. К. Михайловскій усмотрѣлъ въ свое время въ 1-омъ т. Капитала и въ частности въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» цѣлую философско-историческую теорію. Когда Марксъ по этому поводу въ 1877 г. въ письмѣ къ редактору Отечеств. Записокъ заявилъ, что онъ въ «Капиталѣ» вовсе не намѣренъ былъ дать «теорію историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ начертаннаго для каждаго изъ нихъ», и что, по его мнѣнію, частный законъ капиталистическаго развитія придется примѣнить къ Россіи лишь въ томъ случаѣ, «если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избранннымъ ею послѣ 1861 г.», народники рѣшили, что претензія русскихъ учениковъ Маркса выводить непосредственно изъ «Капитала» будущія судьбы Россіи отнынѣ должна пасть. Но у русскихъ «учениковъ» такой пре-

¹⁾ Ibid. стр. 202.

²⁾ Ibid. стр. 428.

³⁾ Бельтовъ, стр. 179.

тензии не было никогда. Г. В. Плехановъ еще въ первой своей брошюрѣ—«Соціализмъ и политическая борьба» протестовалъ противъ того, что «ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно тѣ же фазы историко-экономическаго развитія, которыя были пройдены Западомъ»¹⁾. Вопросъ объ экономическихъ судьбахъ Россіи съ точки зрѣнія марксизма, говоритъ онъ, могъ быть рѣшенъ не путемъ дедукціи изъ отвлеченныхъ формулъ, а лишь конкретнымъ анализомъ русской дѣйствительности—и потому онъ уже въ 1884 г. въ «Нашихъ разногласіяхъ» сдѣлалъ первый опытъ такого анализа на основаніи статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ народнической экономической литературѣ.

Именно изслѣдованіе роста числа наемныхъ рабочихъ въ Россіи, эволюціи кустарнаго производства и разложенія общиннаго землевладѣнія привело Г. Плеханова къ заключенію, что Россія уже безповоротно вступила на путь капитализма. Въ этомъ его убѣждало, во-1-хъ, то, что нашъ капитализмъ значительно подвинулся впередъ по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда Марксъ высказался еще условно объ его судьбѣ; во-2-хъ, то, что у насъ нѣтъ на лицо внутреннихъ силъ, которыя могли бы совратить Россію съ капиталистическаго пути. Анализъ, сдѣланный Г. Плехановымъ въ 1884 г., болѣе обстоятельно и на основаніи гораздо болѣе обширныхъ матеріаловъ былъ продѣланъ впоследствии въ марксистской литературѣ 90-хъ г.г., въ произведеніяхъ Струве, Ильина, Туганъ-Барановскаго и др. Они пришли къ тому же выводу, что и Плехановъ, съ той лишь разницей, что Г. В. Плехановъ въ 80-хъ г.г. болѣе осторожно оцѣнивалъ завоеванія, которыя уже успѣлъ сдѣлать русскій капитализмъ вообще и въ области земледѣлія въ особенности. Въ «Нашихъ разногласіяхъ» онъ утверждалъ, что въ сферѣ обрабатывающей промышленности «не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежитъ капитализму», въ сферѣ же земледѣлія можно только констатировать непредотвратимую тенденцію къ капиталистическому развитію. Соответственно съ этимъ онъ пришелъ къ общему выводу: «Главный потокъ русскаго капитализма пока еще не великъ..., но въ этотъ потокъ со всѣхъ сторонъ направляется такое множество мелкихъ и крупныхъ ручейковъ,... что быстрый сильный ростъ потока не подлежитъ сомнѣнію»²⁾.

Противъ экономического прогноза марксистовъ народники, В. В., а впоследствии Николай—онъ, выдвинули пресловутую «теорію рынковъ»: въ Россіи капитализмъ не можетъ имѣть будущаго, говорили они, во-1-хъ, потому, что онъ, разоряя народъ, самъ разрушаетъ свой внутренній рынокъ; во-2-хъ, потому, что позднее выступленіе на мировую арену разъ навсегда отрѣзало отъ него внѣшніе рынки. Эта теорія, какъ мы увидимъ, подвергнута была обстоятельной, но односторонней критикѣ въ марксистской литературѣ 90-хъ г.г. Въ общихъ чертахъ несостоятельность ея была доказана Г. В. Плехановымъ въ «Нашихъ разногласіяхъ», а затѣмъ въ «Обоснованіи народничества» (Волгинъ). Плехановъ показалъ, во-1-хъ, что капитализмъ всюду до извѣстной степени самъ создавалъ себѣ внутренній рынокъ, во-2-хъ, что западныя страны тоже не сразу, а лишь

¹⁾ См. Г. Плехановъ. Соціализмъ и полит. борьба. Соч. т. I, стр. 164.

²⁾ См. Г. В. Плехановъ. Наши разногласія. Сочин. т. I, стр. 429, 431.

последовательно вступали на капиталистический путь, наталкиваясь на конкуренцию более передовых стран, причем там, как и у нас, государство тоже принимало на первых порах «искусственные» меры к ограждению национального капиталистического производства; и эти «искусственные» меры, наряду с благоприятными географическими условиями для развития тех или других отраслей промышленности, помогали этим странам, как помогут и нам, завоевать себе место на мировом рынке. Подводя итог спору о рынках, Г. Плеханов, вскоре после выхода «Наших разногласий», писал: «Г. В. В. думает, что, раз добившись господства на всемирном рынке, более развитые в промышленном отношении страны окончательно закрывают доступ к нему менее развитым странам и тем толкают эти последние на путь социальной реформы, каковыя реформы и должны быть предприняты будто бы стоящим выше классовых интересов правительством... Факты же говорят нам, что менее развитые страны не стоят на одном месте, а постепенно расчищают себе путь на всемирном рынке и своей конкуренцией толкают более развитые страны на путь социальной революции, которая будет совершена пролетариатом»¹⁾.

* * *

Как разрешится конфликт между нашим «искусственным» капитализмом и русскими «самобытными» устоями? Вот коренной вопрос, который поставили революционные народники, а решили наши первые марксисты. Они решили его в том смысле, что Россия может прийти к социализму только через буржуазную революцию и тернистый путь капиталистического развития, и соответственно этому, призывали революционеров сосредоточивать свою деятельность в среде пролетариата. Однако пропаганда «Гр. Осв. Тр.» в течение 80 г. не находила себе отклика; она долго не могла преодолеть народническую рутину, которая под новым видом культурничества и апологии «маленьких дел» продолжала властвовать над умами интеллигенции.

В виду этого «Гр. Осв. Тр.» в то время, в 80 г., естественно сосредоточивала свое внимание не на тех особенных национальных условиях, в которых зарождалась русская социаль-демократия, а, напротив, на тех чертах русской жизни, которые уподобляют ее зап.-европейской и тем самым оправдывают самое существование соц.-демократического движения и в нашей «самобытной» стране.

Еще в средине 80-х г. г., в народовольческой период, когда Л. Тихомиров доказывал невозможность наступления буржуазной революции в России, ссылаясь на трусость русских буржуазных либералов, Г. В. Плеханов на это ответил: «Что значат уверения историков в том, что в такой-то исторической период буржуазия или—что почти то же самое—общество боролось в такой-то стране против абсолютизма? Ни более, ни менее, как то, что буржуазия толкала и вела рабочий класс на борьбу... обезпечьте нашему «обществу» поддержку одних только городских предметов,—и вы увидите, что оно знает, чего хочет». ²⁾ В следующей период, в конце 80-х г. г.,

¹⁾ Ibid стр. 385.

²⁾ См. Г. Плеханов. „Наши разногласия“. Соч. т. I, стр. 519, 520.

«Гр. Осв. Тр.» продолжала ту же борьбу съ рутинностью нашей радикальной интеллигенціи, оправдывавшей въ то время свою собственную пассивность негодностью русскихъ либераловъ. Этому посвящена была статья Вѣры Засуличъ, написанная въ 90 г., въ которой авторъ доказываетъ, что либералы «отцы» и въ западныхъ революціяхъ 19-го вѣка вели себя не болѣе храбро, чѣмъ наши; что либералы выполняютъ свою миссію, поскольку они, не осмѣливаясь сами идти въ бой, косвенно заражаютъ своихъ «дѣтей» революціоннымъ духомъ, поскольку они въ критическій моментъ на Западѣ заражали и у насъ, вѣроятно, заражать нерѣшительностью господствующую власть; что это достаточно благоприятныя условія для того, чтобы наши буржуазныя «дѣти» шли къ рабочимъ, какъ они шли на Западѣ въ 30—40 хъ годахъ. ¹⁾ И Г. Плехановъ въ тотъ періодъ, въ концѣ 80 хъ г. г., систематически бичевалъ ренегатствующую народническую интеллигенцію и указывалъ «новой интеллигенціи» новые пути, ссылаясь на аналогію съ Западомъ. «Уже теперь», писалъ онъ въ 1890 г., «при всемъ разнообразіи революціонныхъ взглядовъ ясно, что только два направленія могутъ у насъ рассчитывать на будущее: либеральное и социаль-демократическое». Но русскій либерализмъ еще не опредѣлился въ социаль-политическомъ смыслѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ—нуль. Можно ли, спрашиваетъ онъ, «рассчитывать на политическій смыслъ «общества», въ которомъ главную роль до сихъ поръ играетъ дворянство?...» «Помилуйте, да вѣдь они и сами никогда на себя не рассчитывали!—Остается рабочій классъ, на который указываетъ нашимъ революціонерамъ социаль-демократія». Но рабочій классъ не будетъ одинокъ, ибо буржуазный либерализмъ еще не сказалъ послѣдняго слова. «Впрочемъ, точно ли оно (дворянство) играетъ до сихъ поръ главную роль?» спрашиваетъ себя авторъ. Оно является у насъ самымъ «культурнымъ» сословіемъ, «но намъ, право, кажется, что въ своихъ отношеніяхъ къ правительству торгово-промышленный классъ проявляетъ гораздо больше зрѣлости... Купечество говоритъ въ прошеніяхъ тономъ человѣка, состоящаго «при своемъ капиталѣ», знающаго, что имъ «за все заплочено» и, поэтому, увѣреннаго, что безъ него дѣло не обойдется. Въ дворянскихъ же адресахъ и ходатайствахъ слышится тонъ человѣка, который нѣсколько поиздержался». Каково же вѣроятное въ будущемъ соотношеніе силъ въ нашей освободительной эпохѣ? «Условія нашей социальной жизни измѣняются, они уже значительно измѣнились... Поэтому слѣдующій за дворянствомъ классъ, буржуазія, сыграетъ роль уже во многихъ отношеніяхъ похожую на роль западной буржуазіи ²⁾. Рабочій же классъ прямо не въ состояніи будетъ найти иной роли, чѣмъ та, которую этотъ классъ имѣлъ на Западѣ» ³⁾. Повторяемъ, до 90-хъ г. г. основной мотивъ пропаганды «Гр. Осв. Тр.» заключался въ томъ, что Россія такъ же, какъ и западныя страны, должна пережить еще *буржуазную революцію*, что въ этой революціи

¹⁾ См. В. Засуличъ: «Революціонеры изъ буржуазной среды»: „Соц.-демократъ“ т. I, 1890 г.

²⁾ Тутъ Г. Плехановъ въ примѣчаніи отмѣчаетъ, что и на Западѣ, впрочемъ, буржуазія въ разныхъ государствахъ играла различную роль.

³⁾ См. „Соц. демократъ“, Кн. I, 1890 г. Внутр. Обзор. стр. 61, 64, 65, 66.

у насъ, какъ и на Западѣ, городскіе рабочіе сыграютъ роль той революціонной силы, которая приступомъ возьметъ твердыню стараго порядка.

Только послѣ голода 91 г., когда, съ одной стороны, политическая пассивность стараго поколѣнія народнической интеллигенціи въ виду народнаго бѣдствія доказала съ очевидностью, что отъ нея больше нечего ждать, когда, съ другой стороны, начавшійся новый подъемъ стачечнаго движенія (92 г.) и первые опыты соц.-демократической кружковой пропаганды въ Россіи создали, наконецъ, для «Гр. Осв. Тр.» свою собственную аудиторію, только тогда она, имѣя въ виду эту социалдемократическую аудиторію, стала болѣе конкретно разрабатывать основы соц.-дем. тактики въ связи съ русскими національными особенностями, съ которыми эта тактика должна сообразоваться.

Главные изъ этихъ особенностей—двѣ: во 1), исключительно важное значеніе аграрнаго вопроса въ Россіи, по сравненію не только съ современной Зап. Европой, но и съ прежними аналогичными революціонными эпохами на Западѣ, во 2), возможность организаціи рабочей партіи, какъ самостоятельнаго и сознательнаго авангарда въ борьбѣ за буржуазный переворотъ.

«Гр. Осв. Тр.», вышедшая изъ народническаго лагеря и отточившая свое оружіе на критикѣ народничества, всегда удѣляла много вниманія аграрному вопросу въ Россіи. Еще въ 1885 г. въ своемъ проектѣ программы она въ числѣ «ближайшихъ экономическихъ требованій» на первое мѣсто поставила: «радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ». Въ томъ же проектѣ она указывала на то, что торжество революціоннаго движенія «послужило бы прежде всего на пользу крестьянства», ¹⁾ и Г. В. Плехановъ въ своей первой же марксистской брошюрѣ—«Соціализмъ и политическая борьба»—отмѣчаетъ условія, при которыхъ социалисты, идя навстрѣчу крестьянскимъ стремленіямъ, должны были бы ввести «націонализацию земли» въ число своихъ программныхъ требованій. Призывая революціонную интеллигенцію сосредоточивать свою работу въ пролетаріатѣ, Г. Плехановъ въ срединѣ 80-хъ годовъ указываетъ, что это, между прочимъ, послужило бы лучшимъ способомъ для воздѣйствія на крестьянъ, что задача соц.-дем.—организація передовыхъ силъ города «для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія». И П. Б. Аксельродъ также, какъ и Плехановъ, и въ 84 г., и въ 89 г. подчеркивалъ въ своихъ статьяхъ, что будущая русская рабочая партія должна «глубоко проникнуться сознаніемъ тѣсной связи между условіями благосостоянія крестьянъ и промышленныхъ рабочихъ и пониманіемъ задачъ рабочаго класса, какъ руководителя всѣхъ трудящихся массъ» ²⁾. Въ брошюрѣ «Задачи социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ» Плехановъ подробно разбираетъ значеніе аграрнаго вопроса въ Россіи и выражаетъ ту мысль, что, если кризисъ въ деревнѣ вызоветъ серьезное движеніе среди крестьянъ, социалдемократы должны будутъ поддержать его и выставить требованіе экспроприаціи крупныхъ землевладѣльцевъ. Но какъ согласить эту перспективу съ тѣмъ, что говорится въ «Нашихъ разногласіяхъ». Очень легко, отвѣчаетъ Г. Плехановъ:

¹⁾ См. Программа и объявленіе о возобн. изд. «Гр. Осв. Тр.» стр. 5 и 7.

²⁾ Аксельродъ. Раб. движ. и соц. дем. п. XIII—XIV.

«Въ нашихъ разногласіяхъ» я старательно указывалъ читателю на тотъ фактъ, что община разлагается всего скорѣе именно тамъ, гдѣ землей дорожать, т. е. тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство поставлено въ сколько нибудь благопріятныя условія»¹⁾. Къ той же темѣ возвращается по поводу новаго голода 98 г. П. Б. Аксельродъ въ статьѣ, въ которой авторъ доказываетъ, что элементарнѣйшіе интересы промышленныхъ рабочихъ неизбежно должны ихъ живо заинтересовать рѣшеніемъ аграрнаго вопроса, который имѣетъ въ Россіи исключительно революціонное значеніе. «Россійскій капитализмъ», говоритъ онъ тамъ, «развиваясь на основѣ самой усовершенствованной техники, въ то же время окруженъ атмосферой соціального варварства, экономической узелъ котораго завязанъ въ деревнѣ. Крестьянство, получившее въ наслѣдіе отъ «эпохи великихъ реформъ» закрѣпощеніе государству, крайнее малоземелье и непомерные платежи, наслѣдство, осложненное прелестями «первоначальнаго накопленія», является главнымъ героемъ «всероссійскаго раззоренія», создающаго колоссальное земледѣльческое перенаселеніе, стѣсняющаго развитіе внутренняго рынка и угрожающаго судьбамъ Россійскаго капитализма. Такъ наз. аграрный вопросъ является такимъ образомъ центральнымъ пунктомъ русской жизни и почвой, на которой развивается антагонизмъ между сторонниками рациональнаго капиталистическаго прогресса—подъ флагомъ антикапиталистическимъ—и абсолютизмомъ»²⁾.

Приведенныя разсужденія Г. Плеханова и П. Аксельрода легли въ основу постановки аграрнаго вопроса, которая нашла себѣ выраженіе впоследствии въ 1900 г. г. отчасти въ соц.-демократической программѣ, утвержденной на Лондонскомъ съѣздѣ 1903 г., отчасти въ болѣе позднихъ резолюціяхъ по аграрному вопросу, которыя приняты были на съѣздахъ двухъ фракцій въ 1905 г.

Другой вопросъ, который впервые былъ выдвинутъ «Г. О. Т.» только въ срединѣ 90-хъ г. г., былъ вопросъ о руководящей роли пролетаріата въ процессѣ буржуазнаго переворота.

Въ моментъ своего возникновенія «Г. О. Т.» еще не потеряла надежды на то, что народовольческое движеніе возродится, ставши на точку зрѣнія научнаго социализма, и что оно непосредственно приведетъ къ низверженію стараго порядка. Поскольку, такимъ образомъ, паденіе стараго порядка представлялось ей близкимъ, поскольку, съ другой стороны, рабочее движеніе еще отсутствовало, невозможно было въ то время рассчитывать на особенно крупныя успѣхи въ развитіи политической сознательности и организованности пролетаріата въ дореволюціонный періодъ. Поэтому Г. В. Плехановъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ еще весьма скромно оцѣнивалъ степень самостоятельности, которую сможетъ проявить нашъ пролетаріатъ до революціи. Онъ въ этихъ произведеніяхъ доказывалъ, что классовое движеніе рабочихъ самымъ фактомъ своего возникновенія разбудитъ всѣ дремлющія силы населенія, что одни рабочие въ открытомъ бою способны будутъ нанести рѣшительный ударъ старому

¹⁾ См. Г. Плехановъ. „О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, 1892 г. стр. 33, 34, 35, 67, 87, 88, 89.

²⁾ См. П. Аксельродъ „По поводу новаго народнаго бѣдствія“ „Работникъ“ № 5—6. 99 г. стр. 172, 177, 211.

режиму. Мало того, ссылаясь на то, что у нас социалистическое движение возникло за долго до того, как капитализм пустил глубокие корни в страны, он утверждал, что у нас не только рабочие нужны будут для революции, но что социалисты смогут теперь много сделать для того, чтобы «революция была полезна для трудящегося населения страны», что при разумной тактике социалисты смогут уже в период переворота «изменить соотношение сил в пользу рабочего класса». Тем не менее, он в то время считался, как с наиболее вероятной перспективой, с тем, что до революции удастся лишь «выработать элементы для образования будущей рабочей партии», что только «в первый период конституционной жизни России» рабочий класс сможет выступить «в качестве особой партии».

Только после голодного 91 г., окончательно доказавшего нежизнеспособность старого поколения интеллигенции, когда выяснилось, что Россия стоит на пороге затяжной переходной эпохи, что приходится, некоторым образом, начинать историю сначала, когда, вместе с тем, проявились первые симптомы пробуждения рабочих (майские речи рабочих в 91 г., адрес, поднесенный рабочими Шелгунову, стачки 92 г. и проч.), только тогда, в средине 90-х г.г., «Гр. О. Тр.» стала все более укрепляться в мысли, что, благодаря особенностям исторического положения России, у нас есть много оснований рассчитывать на то, что пролетариат постепенно возвысится до роли сознательного авангарда и даже руководителя буржуазного переворота.

Эта мысль проглядывает уже во всех статьях П. Б. Аксельрода, помещенных в «Работник». В 97 г. он ее высказывает ясно, хотя и в отрывочной форме, в противоположность зарождающемуся тогда так наз. «экономизму», в «Письмах о современных задачах и тактике». В 98 г. он ее развивает в законченном виде и в конкретно-исторических терминах в статье, помещенной в *Neue Zeit*, затем переведенной на русский язык под заглавием «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социальной демократии в России».

Уже в 90—92 г.г. П. Аксельрод в ряде статей, посвященных германской социалдемократии, связывал ее тактику и ее успехи с тем, что она играет роль авангарда в борьбе за демократизацию страны. Анализируя политическую обстановку, в которой ей приходится действовать, он показывает, что она в этой роли наталкивается на сопротивление почти всех слоев буржуазного населения, потому что на уровне социально-политического развития Германии решительная победа социалдемократии была бы практически прологом к социалистической революции. Принципиально отлично, говорит Аксельрод, положение вещей в современной России, где абсолютизм опирается почти исключительно «на инерцию, дезорганизованность и забитость населения»¹⁾. Ту же мысль он развивает в 98 г. на страницах *Neue Zeit*: «Даже в свободных государствах отношение к буржуазии, как к сплошной одинаковой «реакционной массе», шло бы в разрез с действительностью. Но известный

¹⁾ См. П. Аксельрод «Политическая роль социалдемократии и последние выборы в Германский рейхстаг», «Социаль-демокр.» 1902 г., IV стр. 26, 45.

политическій лозунгъ германской социалдемократіи имѣть въ основаніи своемъ все таки реальную историческую подкладку... Въ Россіи же, гдѣ историческая почва для такого враждебнаго отношенія всей буржуазіи къ пролетаріату еще не созрѣла, такая тактика стояла бы въ рѣзкомъ противорѣчій съ реальнымъ положеніемъ этихъ классовъ,... она искусственно способствовала бы изолированію нашего рабочаго движенія въ то время, когда оно еще нуждается въ союзникахъ и во внѣшней помощи» ¹⁾. Аксельродъ указываетъ на то, что наша профессиональная интеллигенція и наши землевладѣльцы-дворяне въ настоящее время особенно терпятъ отъ отсталыхъ методовъ первоначальнаго накопленія и отъ російскаго раззоренія, связанныхъ со всей нашей политической и финансовой системой, а такъ какъ въ то-же время промышленники и коммерсанты пользуются исключительнымъ покровительствомъ правительства и поэтому живутъ съ нимъ въ ладу, то въ результатъ у насъ получается сейчасъ своеобразное въ исторіи явленіе: «въ Россіи передовые элементы дворянства и интеллигенціи борются тоже за національные интересы и потребности капиталистическаго прогресса, но только *противъ*... социальнаго представителя капитализма». Это положеніе, говоритъ авторъ, не прочно: «это было бы противно самымъ элементарнымъ представленіямъ о движеніи общества... Именно, дальнѣйшія, все болѣе и болѣе увеличивающіяся проявленія потребностей и стремленій оппозиціонныхъ, враждебныхъ капиталистической буржуазіи, классовъ и сословіи должны вызвать въ недалекомъ будущемъ столкновеніе между ней и правительствомъ»... Но это дѣло будущаго; пока-же изъ *переходнаго* состоянія русскаго либерализма вытекаютъ очень важныя послѣдствія для пролетаріата: «русскій либерализмъ лишень пока возможности найти себѣ достаточную поддержку въ имущихъ *массахъ*, чтобы заставить правительство выступить на путь серьезныхъ политическихъ уступокъ». Отсюда вытекаетъ «*политическая* слабость русскаго либерализма», но поскольку либералы занимаютъ очень выгодныя общественныя позиціи, они имѣютъ возможность, побуждаемые своей политической слабостью, содѣйствовать пробужденію общественной инициативы за счетъ бюрократическаго произвола, содѣйствовать распространенію народнаго образованія и проч. Все это само по себѣ не имѣло-бы политическаго значенія. Но тутъ на сцену выступаетъ пролетаріатъ. «Постепенное проникновеніе культурныхъ и общественныхъ элементовъ въ русскую жизнь ²⁾ создаетъ почву и орудіе для *политическаго* пробужденія пролетаріата уже въ тискахъ абсолютизма. Въ томъ то и заключается революціонное значеніе и центръ тяжести съ формальной, внѣшней стороны политически совершенно невинныхъ усилій нашего либерализма преобразовать русскую дѣйствительность». Не нужно, однако, думать, говоритъ авторъ, что либералы, чувствуя свою слабость, сами готовы будутъ апеллировать къ пролетаріату. Эта задача у насъ выпадаетъ на

¹⁾ Аксельродъ, „Къ вопросу о соврем. задачахъ и тактикѣ русскихъ соц-демократовъ“, 1898 г. стр. 13, 15, 16.

²⁾ Еще въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Neue Zeit въ 1892 и 95 гг., П. Аксельродъ показалъ, какъ специфическія условія развитія русскаго государства въ современной международной обстановкѣ создаютъ почву для такого культурнаго подъема народныхъ *низовъ*, котораго не зналъ Западъ въ эпохи буржуазныхъ революцій.

долю демократической интеллигенции: ее на этот путь толкает то же либеральное безделье; она не может удовлетвориться «черепашым прогрессом», ей претит «смирение» либералов, на знамени ее написан лозунг — «безопасная война» с силами старого порядка ¹⁾.

В чем же могут заключаться первые шаги интеллигенции, идущей к рабочим массам? Уже Г. Плеханов в «Социалдемократъ», в статьях под заглавием «Русский рабочий в революционном движении», и П. Аксельрод в «письмѣ», изданном на гектографѣ в 87 г. (оно цитируется в его печатном «письмѣ» в ред. «Рабочаго дѣла»), на основании опыта и наблюдений 70-х годов указывали, что лучшая почва для первоначальной массовой политической агитации у нас — стихийныя столкновения между рабочими и предпринимателями, повседневная борьба труда с капиталом. В 98 г., в статьѣ «Историческое положение и т. д.» П. Аксельрод повторяет то же самое уже на основании новых крупных проявлений стачечнаго движения в 95 и 96 гг. и на основании первых шагов молодых русских соц.-демократов, эмпирически пришедших к сознанию необходимости перехода от кружковой пропаганды к массовой агитации на почвѣ ближайших экономических нужд ²⁾. Но Г. Плеханов и П. Аксельрод в 90-х гг. неоднократно указывали, что даже в первой фазѣ массоваго рабочаго движения материалъ для политической агитации долженъ черпаться *не только* из сферы антагонизма рабочих с предпринимателями. В дальнѣйшемъ же прямая «аттака на абсолютизмъ» не только явится необходимымъ условіемъ для выполнения пролетариатомъ его исторической миссии, какъ авангарда в борьбѣ за демократію, — она явится также необходимымъ условіемъ для ближайшихъ успѣховъ рабочаго движения, ибо, говоритъ П. Аксельродъ, «начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, малокультурнаго крестьянства, онъ (пролетариатъ) и теперь еще в массѣ слишкомъ глубоко тонетъ в общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть в состояніи — в тискахъ абсолютизма — совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки, подняться на высоту сознательной революціонной силы»; этой же поддержки пролетариатъ лишился бы, если бы онъ не выступилъ на борьбу с абсолютизмомъ, «хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетариата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ» ³⁾. Задача привлеченія себѣ союзниковъ изъ другихъ слоевъ населенія есть, такимъ образомъ, одна изъ насущнѣйшихъ для пролетариата. «Но для воздѣйствія на эти слои», писалъ П. Аксельродъ в 98 г., «отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы социалдемократы отправились дѣйствовать в ихъ средѣ. Задача приобрѣтенія русскими соц.-демократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается, прежде всего и главнымъ образомъ, характеромъ агитаціонно-пропагандистской дѣятельности в средѣ *самого пролетариата*... Указанная задача требуетъ расширения объема агитации и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, в которыхъ схо-

¹⁾ См. П. Аксельродъ „Историч. положеніе и проч.“ стр 42, 46, 48, 49, 56, 58.

²⁾ Ibid, стр. 59.

³⁾ См. П. Аксельродъ. „Историческое положеніе и взаимоотношеніе либеральн. и социальн. демокр. в Россіи“. Работникъ № 5,—6 стр. 63—64.

дятся и переплетаются интересы какъ пролетаріата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣнимыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіей» ¹⁾.

Этимъ намѣчается путь, по которому пролетаріатъ постепенно можетъ высвиться до роли передового борца за демократію: «Разъ наше рабочее движеніе сознательно пойдетъ по этому пути.. пролетаріатъ станетъ, вмѣсто крестьянства, средоточіемъ ея (демократической интеллигенціи) идеальныхъ интересовъ, стремленій и надеждъ... До сихъ поръ.. крестьянство имѣло какъ бы привилегію быть спеціальнымъ объектомъ ихъ (общественныхъ учреждений) заботливости и народолюбія. Но оно играетъ при этомъ роль пассивнаго и безпомощнаго существа, вызывающаго лишь чувство состраданія. Съ приобретіемъ же пролетаріатомъ вліянія въ этихъ сферахъ народолюбіе оппозиціонной буржуазіи получить... существенно иной характеръ. Импульсы будутъ исходить изъ среды революціоннаго борющагося народнаго класса и станутъ удобной почвой для постояннаго воздѣйствія и своего рода союза между организованнымъ авангардомъ этого класса и передовыми свободомыслящими кругами буржуазіи» ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ П. Аксельродъ изображаетъ ту же перспективу другими словами: «Соціалдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзъ съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности)*, а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи» ³⁾.

Что касается крестьянскихъ массъ, о которыхъ П. Аксельродъ здѣсь не упоминаетъ, то онѣ, по неоднократно высказанному имъ и Г. Плехановымъ мнѣнію въ періодъ существованія «Гр. Осв. Тр.», на самостоятельное политическое движеніе, вѣроятно, не будутъ способны и пойдутъ за рабочей партіей, поскольку таковая сложится въ дореволюціонную эпоху. Возможности же, что крестьяне пойдутъ за народниками, что революціонное народничество еще разъ воскреснетъ въ новой формѣ и еще разъ сыграетъ извѣстную роль въ исторіи, «Гр. Осв. Тр.» не предвидѣла въ 90 гг., когда марксизмъ отвоевалъ у народничества всѣ позиціи.

Изображая въ разсматриваемыхъ статьяхъ возможную будущую роль пролетаріата, П. Аксельродъ, какъ мы видѣли, представлялъ себѣ дѣло такъ, что отъ рабочей партіи будутъ исходить главные импульсы революціи, что она будетъ непосредственно руководить движеніемъ болѣе революціонныхъ и демократическихъ слоевъ населенія и будетъ извнѣ поддерживать и толкать впередъ болѣе умѣренныя фракціи имущей оппозиціи, вступая съ ними въ тѣ или иныя соглашенія въ цѣляхъ общаго натиска на абсолютизмъ. О внутреннихъ конфликтахъ внутри общенациональнаго освободительнаго движенія онъ въ этихъ статьяхъ не говоритъ. Неизбѣжность такихъ конфликтовъ, особенно въ разгаръ рево-

¹⁾ Ibid стр. 16, 17.

²⁾ Ibid. Стр. 16, 17.

³⁾ См. П. Аксельродъ. „Истор. положеніе и т. д.“ „Работникъ“, № 5—6, стр. 65, 66.

⁴⁾ См. П. Аксельродъ. „Къ вопросу о совр. зад. и т. д. стр. 20.

люции, была, конечно, аксіомой какъ для П. Аксельрода, такъ и для Г. Плеханова. Объ этомъ П. Аксельродъ говорилъ въ 89 г. въ популярной брошюрѣ «Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи»; въ виду этихъ неизбежныхъ конфликтовъ онъ началъ борьбу съ такъ наз. «экономизмомъ» съ перваго же момента его зарожденія; въ виду этого же, наконецъ, «Гр. Осв. Тр.» съ самаго начала своего существованія настаивала на неизбежности образованія элементовъ *самостоятельной* рабочей партіи. И уже изъ статьи «Истор. полож. и пр.» можно было усмотрѣть, при какихъ условіяхъ эти конфликты возникнутъ. Какъ мы видѣли, П. Аксельродъ указывалъ, что сама борьба пролетаріата съ капиталистической буржуазіей толкнетъ послѣднюю въ будущемъ на путь оппозиціи подъ знамя либерализма. Но если приобщеніе капиталистической буржуазіи къ освободительному движенію должно было значительно усилить шансы его побѣды, то, съ другой стороны, это же неизбежно должно было сопровождаться усиленіемъ борьбы и внутри общенациональной оппозиціи, хотя бы по тому одному ужъ, что нашъ пролетаріатъ извлекалъ свои первые политическіе уроки именно изъ своей борьбы съ капиталомъ.

Таковы были рамки, въ которыхъ въ то время, въ 90 гг., «Группа Осв. Тр.» рисовалась перспектива гегемоніи или руководящей роли пролетаріата. И объ этой гегемоніи рѣчь шла, какъ объ исторической возможности, которая можетъ претвориться въ дѣйствительность лишь при двухъ условіяхъ: если пролетаріатъ будетъ вести борьбу подъ знаменемъ социаль-демократіи и если соц.-демократія будетъ на высотѣ своихъ задачъ. «Двѣ крайности,» писалъ П. Аксельродъ въ 98 г., могутъ угрожать нашему рабочему движенію. «Во первыхъ, если бы это движеніе не вышло изъ колеи частныхъ столкновеній рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями,—это лишило бы его всякаго политическаго интереса... Но быть можетъ еще хуже была бы другая крайность. И имѣю въ виду тотъ случай, еслибъ наше рабочее движеніе, увлеченное бакунистскими и бланкистскими теченіями, поставило бы своей *непосредственной* практической цѣлью анархическую или коммунистическую революцію. На практикѣ оно выразилось бы тогда въ беспорядкахъ, легкомысленно вызываемыхъ стачкахъ, сопровождающихся насиліями, и силы пролетаріата были бы, такимъ образомъ, растрачены понапрасну... Что касается первой крайности, то отъ нея мы застрахованы . . . режимомъ. А предохранить наше рабочее движеніе отъ вліянія бакунистовъ и бланкистовъ есть прямая обязанность господствующихъ въ немъ соц.-демократическихъ элементовъ»¹⁾.

II. 90-ые годы.

Схема и дѣйствительность. Недооцѣнка девяностниками тормазовъ экономическаго развитія Россіи и общенациональнаго характера нарастающаго движенія.

Расцвѣтъ „экономизма“. Поворотъ союзниковъ соц.-демократіи къ идеализму.

«Гр. Ос. Т.», опираясь на уроки потерпѣвшаго пораженіе «самобытнаго» движенія 70 гг. и на опытъ передовыхъ европейскихъ странъ, намѣтила главныя вѣхи революціоннаго развитія Россіи и вытекающія отсюда основныя проблемы русской соц.-демократіи. Дѣйствительность, въ общемъ и цѣломъ, вполне подтвердила вѣрность ея представленія о *направленіи* революціоннаго развитія.

¹⁾ См. П. Аксельродъ. „Истор. полож. и пр.“ стр. 67.

Но развитие шло въ этомъ направленіи туго, оцупью, окольными путями. Русская социалдемократія не совсѣмъ избѣгла участи своихъ собратьевъ—необходимости учиться, преимущественно, на собственномъ опытѣ и отчасти на собственныхъ ошибкахъ.

Уже тѣ самыя историческія условія, которыя дали основаніе П. Аксельроду въ 90-хъ г. г. говорить о возможности революціонной гегемоніи русскаго пролетаріата, заключали въ себѣ оборотную сторону медали. Наличие развитой индустріи и ея спутника—промышленныхъ рабочихъ, воспримчивыхъ для современныхъ социалистическихъ идей, съ одной стороны, крайне отсталая національная общественная обстановка, съ другой, дѣлали нашъ рабочій классъ главнымъ рычагомъ развитія революціи. Отсталость общественныхъ отношеній, неразвитость городовъ, политическая незрѣлость капиталистической буржуазіи, полунатуральный бытъ миллионовъ крестьянъ-общинниковъ—все это благоприятствовало привлеченію къ борющемуся пролетаріату симпатій все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ населенія поработенной страны. Но тѣ же условія лишали его въ борьбѣ *самостоятельно организованныхъ* союзниковъ изъ буржуазныхъ классовъ. А это обстоятельство не только значительно ослабило силу общенароднаго натиска на старый порядокъ, стихійно ускореннаго японской войной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно замедлило процессъ классового самоопредѣленія самого пролетаріата въ предреволюціонную эпоху.

Благодаря политической недифференцированности и аморфности населенія, на долю русской интеллигенціи въ истекшую эпоху выпала еще разъ самодеятельная и очень выдающаяся политическая роль. Принадлежа по своему социальному положенію къ буржуазной демократіи, русская разночинная интеллигенція, благодаря политической недифференцированности населенія, выступала наканунѣ революціи, по-прежнему, какъ главная сознательная носительница революціонныхъ интересовъ націи, и, какъ таковая, она, при тогдашнихъ условіяхъ, въ массѣ своей неизбежно тяготѣла къ пролетарскому или «трудовому» социализму. На Западѣ пролетаріатъ вовлекался въ политическую жизнь отчасти социалистическими выходцами изъ буржуазной среды, отчасти явными буржуазными радикалами. У насъ эту задачу выполняла только первая категория интеллигенціи, и потому, въ общемъ, она выполнялась въ Россіи болѣе безкорыстно.

Но это же имѣло и невыгодныя стороны. При всемъ своемъ безкорыстіи, при всей своей самоотверженности социалистическая интеллигенція въ массѣ не могла вытравить свою социальную природу. Поэтому оказалось, что въ 90-хъ годахъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ складывалась цѣлая новая формація будущихъ буржуазныхъ либераловъ, а въ 900-хъ г. г. подъ тѣмъ же марксистскимъ флагомъ скрывались тенденціи, подчасъ чисто радикально-демократическія. Исторія, такимъ образомъ, долго маскировала неизбежный процессъ политической дифференціаціи населенія, а это, съ одной стороны, замедляло высвобожденіе пролетаріата изъ-подъ непосредственнаго вліянія революціонной буржуазной демократіи, съ другой, осложняло необходимыя для успѣха революціи временныя и условныя коалиціи революціоннаго пролетаріата съ широкими и вліятельными слоями оппозиціонной буржуазіи. Россія не избѣгла иллюзіи, которая не мало

вреда принесла во Франціи и Германіи наканунѣ революціи 19 вѣка: у насъ, какъ и тамъ, почти все радикальное казалось социалистическимъ, и наоборотъ, всѣ элементы, чуждающіеся социализма, сваливались преждевременно въ одну сплошную реакціонную или контр-революціонную массу. Въ результатѣ получилось то, что хотя пролетаріатъ до 1905 года включительно и былъ центральной фигурой освободительнаго движенія, а марксизмъ наиболѣе вліятельнымъ революціоннымъ теченіемъ, однако, рабочая партія въ полномъ смыслѣ этого слова и до сихъ поръ не успѣла еще сложиться; рабочій же классъ, если и не былъ у насъ лишь боевой силой, какъ на Западѣ, *наканунѣ и во время* буржуазныхъ революцій, то и не проявилъ все же той степени сознательности и самостоятельности, которая давала бы право говорить о гегемоніи пролетаріата въ *истекшій* періодъ. Послѣ 1905 г. это положеніе начало быстро мѣняться. Сильно подвинувшаяся впередъ за время революціи и контр-революціи политическая дифференціація страны создала, наконецъ, съ этой стороны благоприятныя условія для болѣе всесторонняго классоваго самоопредѣленія пролетаріата и для организаціи массовой рабочей партіи; но за то пережитыя уже разъ острые столкновенія пролетаріата съ буржуазіей въ будущемъ ставятъ относительно болѣе тѣсныя границы для воздѣйствія пролетаріата на другіе классы, хотя, конечно, при господствующемъ у насъ режимѣ до изолированности зап. европейскаго пролетаріата намъ еще очень и очень далеко.

Этимъ не ограничиваются препятствія, которыя исторія ставила практическому осуществленію первоначальныхъ схемъ русскаго марксизма. Та же безформенность и социально-политическая отсталость Россіи, о которой мы выше говорили, имѣла своимъ послѣдствіемъ бѣдность политической жизни страны въ предреволюціонную эпоху, несмотря на быстрое наростаніе революціоннаго настроенія. Эта бѣдность политической жизни не могла быть возмѣщена относительно благоприятными условіями для культурнаго подъема нашихъ «низовъ». Вслѣдствіе этого, въ *соц.-демократическомъ* движеніи *минушаго* періода содержаніе агитаціи роковымъ образомъ отставало отъ содержанія пропаганды, и вся *соц.-демократическая* практика вообще отличалась въ значительной мѣрѣ элементарностью, упрощенностью и односторонностью, вопреки сложности задачъ, стоявшихъ передъ *соц.-демократіей*. На этой почвѣ въ 90-хъ г. г., въ періодъ промышленнаго подъема и слабыхъ зачатковъ политическаго оживленія, въ движеніи укрѣпился такъ наз. «экономизмъ», а въ слѣдующій періодъ промышленнаго кризиса, войны и кануна революціонныхъ бурь — такъ назыв. «большевизмъ», — два направленія, съ внѣшней стороны противоположныя, но тѣмъ не менѣе, по существу весьма родственныя: и то, и другое направленіе культивировали болѣе боевое настроеніе рабочихъ массъ, нежели ихъ политическую сознательность и самостоятельность, и то, и другое имѣли много общаго съ традиціоннымъ русскимъ бунтарствомъ...

Эти бѣглыя общія замѣчанія необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки того направленія, которое принялъ русскій марксизмъ въ срединѣ 90 гг., когда онъ впервые изъ теоретическаго исповѣданія небольшой группы *соц.-демократовъ* превратился въ широкое общественное движеніе.

Двѣ очередныхъ задачи стояли въ то время передъ молодой русской соц.-демократіей: во 1-хъ, развить въ большомъ масштабѣ и съ открытой легальной трибуны ту идейную борьбу съ народничествомъ, которую до того велъ за рубежомъ Г. В. Плехановъ, и, такимъ образомъ, завоевать для марксизма тѣ важныя позиціи въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кругахъ, которыми до того безраздѣльно владѣли народники; во 2-хъ, проложить для марксистовъ первые пути къ рабочимъ массамъ. Обѣ эти трудныя задачи съ успѣхомъ были выполнены соц.-демократическимъ поколѣніемъ 90-хъ гг., и въ этомъ его крупный активъ. Но подъ влияніемъ указанныхъ выше условий, подъ влияніемъ неоформленности политической жизни и замаскированности ея тенденцій, уже одно энергичное преслѣдованіе неотложныхъ задачъ сегодняшняго дня въ сознаніи девяностыхъ значительно суживало и упрощало и безъ того смутное, абстрактное представленіе о задачахъ ближайшаго будущаго и тѣмъ самымъ обрекало движеніе на скачки и зигзаги.

Русская марксистская мысль 90-хъ годовъ преимущественно работала въ плоскости «экономики» и недаромъ: въ «экономикѣ» лежалъ ключъ къ рѣшенію наиболѣе злободневныхъ вопросовъ русской политической жизни. Молодое поколѣніе марксистовъ девяностыхъ переживало еще разгаръ борьбы съ народнической самобытной теоріей экономическаго развитія Россіи. В. В., Ник—онъ и другіе народники доказывали, что капитализмъ, а стало быть, и рабочее движеніе, не можетъ въ Россіи развиваться, потому что онъ, разоривъ крестьянство, разрушаетъ свой собственный внутренній рынокъ, а новые внѣшніе рынки Россіи уже недоступны, при этомъ они ссылались на якобы марксистскую теорію кризисовъ, а въ дѣйствительности на теорію мелкобуржуазныхъ утопистовъ, вродѣ Симонди. Молодые марксисты 90-хъ г. г., Ильинъ (Ленинъ), Булгаковъ, Туганъ-Барановскій, Струве и др., продолжая нить разсужденій Плеханова въ рядѣ статей и специальныхъ изслѣдованій, опровергали и опровергли эти народнические предразсудки, но они въ пылу борьбы упростили вопросъ и, рѣшая его прямолинейно, доказывали больше, чѣмъ требовалось доказать.

Существуютъ «двѣ теоріи кризисовъ»... писалъ Ильинъ (Ленинъ) въ 1899 году. «Первая объясняетъ ихъ противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ рабочаго класса, а вторая...—противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія»..., т. е. «безпорядочнымъ производствомъ»¹⁾. Въмѣсто того, чтобы искать причину кризисовъ въ сочетаніи *обоихъ* указанныхъ противорѣчій, В. Ильинъ рѣшительно отвергаетъ связь между первымъ и кризисами²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ вопросомъ о реализаціи³⁾ товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ. В. Ильинъ,

¹⁾ См. В. Ильинъ: „Экономическіе этюды. Къ характеристикѣ эконом. романтизма“, стр. 30.

²⁾ Ibid., стр. 12, 15, 29.

³⁾ Ibid., стр. 26.

Булгаковъ, Т. Барановскій¹⁾—ссылались приэтомъ на теорію реализаціи, данную Марксомъ во 2-мъ томѣ Капитала. Однако, эти ссылки доказывали только, что всё они далеко еще не усвоили революціоннаго діалектискаго метода мышленія Маркса. Марксъ во 2-мъ томѣ Капитала въ извѣстныхъ «схемахъ» далъ лишь *статистику* обмѣна, *условія его равновѣсія*. Но специфическая задача Маркса вообще, какъ «критика политической экономіи», заключалась въ установленіи законовъ *экономической динамики*. Этыхъ законовъ динамики обращенія капиталовъ Марксъ не далъ во 2-мъ томѣ по той простой причинѣ, что онъ, какъ извѣстно, не успѣлъ закончить свою работу. И если бы наши девяностники ввели въ условія равновѣсія обмѣна элементъ динамическій— послѣдовательное измѣненіе органическаго состава капитала и послѣдовательное увеличеніе нормы накопленія, — то они въ *самыхъ условіяхъ равновѣсія*²⁾ открыли бы причину, почему это логически *возможное* равновѣсіе въ капиталистическомъ обществѣ должно *фактически* осуществляться путемъ его нарушенія, путемъ кризисовъ, возникающихъ на почвѣ противорѣчій между *безграничнымъ* стремленіемъ къ накопленію, съ одной стороны, и *относительнымъ* сокращеніемъ потребленія рабочихъ массъ, съ другой. Анархія производства, которую признавали Ильинъ и его товарищи, есть только та *почва* товарнаго хозяйства, на которой, по мѣрѣ развитія капитализма, развивается противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ». И именно послѣднее является *непосредственной* причиной обостренія классоваго антагонизма, оно же является *непосредственной* причиной кризисовъ, въ немъ ярче всего обнаруживается противорѣчіе между развитіемъ производительныхъ силъ и устарѣлыми имущественными отношеніями, ведущее къ крушенію капитализма. Тѣ, которые отрицаютъ противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ», должны логически придти къ бернштейнсканской теоріи притупленія классовой борьбы и органическаго развитія къ социализму. И характерно, что даже Ильинъ, бывший и оставшійся ортодоксальнымъ марксистомъ, до этого уже почти договаривался въ указанной статьѣ: «чѣмъ быстрѣе ростъ богатства... *тѣмъ лучше положеніе рабочихъ*»³⁾, заявляетъ онъ, не оговариваясь, что оно часто лучше абсолютно, но всегда относительно хуже. «Чѣмъ дольше развивается это противорѣчіе (анархія производства А. М.), *тѣмъ легче выхоть изъ него*», говоритъ онъ тамъ же, не оговариваясь, что этотъ «легкій» выхоть заключается въ «тяжелыхъ катастрофахъ»... Девяностники очутились въ области теоріи на покатой плоскости. А между тѣмъ многіе изъ нихъ въ то время, и особенно В. Ильинъ, *сознательно* вовсе не стремились доказать смягченіе противорѣчій и классовой борьбы въ капиталистическомъ обществѣ. Напротивъ того, В. Ильинъ, напр., въ 95 году самъ критиковалъ Струве именно за эту оппортунистическую тенденцію⁴⁾.

¹⁾ См. Булгаковъ, „Теорія рынковъ“. Туг.-Барановскій, „Промышленные кризисы“.

²⁾ Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ здѣсь останавливаться на этомъ интересномъ вопросѣ.

³⁾ См. В. Ильинъ, „Эконом. этюды. Къ характеристикѣ экономич. романт.“, стр. 13, 33, 34.

⁴⁾ См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ“, „Эконом. содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве“.

Наши молодые марксисты 90-х годов сбились съ пути въ толкованіи марксистской теоріи кризисовъ исключительно потому, что имъ хотѣлось доказать *полную* независимость судебъ русскаго капиталистическаго производства отъ сокращенія крестьянскаго потребленія, отъ крестьянскаго раззоренія, о которомъ говорила народническая литература. Для защиты этого ложнаго, односторонняго взгляда Туг.-Барановскій, напр., въ своей «Фабрикѣ» привелъ діаграмму, якобы свидѣтельствующую о независимости русскихъ промышленныхъ кризисовъ отъ колебаній урожая. Но уже въ дебатахъ въ Вольно-Эконом. Обществѣ по поводу его доклада ему было указано Касперовымъ, что его же собственная діаграмма доказываетъ противоположное, а именно: въ 12 случаяхъ эта зависимость установлена, и лишь въ 8 случаяхъ ея не видно¹⁾.

Въ узкомъ, одностороннемъ пониманіи кореннаго соціального вопроса русской переходной эпохи—аграрнаго вопроса, острота котораго маскировалась промышленнымъ подъемомъ 90-хъ годовъ, лежитъ источникъ экономическихъ заблужденій тогдашняго поколѣнія марксистовъ. Оспаривая ложное утвержденіе народниковъ, что капитализмъ въ Россіи мертворожденный, наши марксисты пятидесятники, перегибая лукъ, почти устранили съ своего поля зрѣнія тѣ препятствія, которыя наша полукрѣпостническая обстановка ставитъ развитію капитализма, особенно въ деревнѣ. Тѣмъ самымъ въ ихъ представленіи суживался размахъ грядущаго русскаго переворота и затушевывался его радикальный соціальный характеръ. Г. Плехановъ и П. Аксельродъ, какъ мы уже говорили, въ 90-хъ гг. подчеркивали, что полукрѣпостническая соціально-политическая обстановка, въ которой развивается русскій капитализмъ, ведетъ къ тому, что крестьянство наше не только раскалывается, пролетаризируется, но въ значительной степени равномерно пауперизируется, нищаетъ. На почвѣ этого «всероссійскаго раззоренія» въ деревнѣ, рядомъ съ нарождающимся антагонизмомъ между батраками и сельской буржуазіей, долженъ былъ обостряться другой, старый антагонизмъ—между крестьянствомъ въ цѣломъ, между крестьянскимъ *сословіемъ*, и всѣмъ нашимъ крѣпостническимъ строемъ. Впослѣдствіи, въ 1903 г., П. Масловъ, въ своей книгѣ «Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи» обстоятельно развилъ экономическую сторону этого вопроса. Онъ разработалъ съ марксистской точки зрѣнія теорію борьбы продовольственной и капиталистической ренты *въ обстановкѣ развитого товарнаго обращенія* Россіи. На основаніи этой теоріи онъ объяснилъ, почему въ Россіи, *благодаря расхищенію производительныхъ силъ* страны, въ огромныхъ районахъ, въ связи съ отсутствіемъ городского и отдаленностью иностраннаго рынка и съ низкими цѣнами на хлѣбъ (весь черноземный центръ), продовольственное крестьянское хозяйство *выживаетъ* въ борьбѣ съ капиталистическимъ цѣною общаго «уравнительнаго» упадка крестьянскаго хозяйства; онъ объяснилъ, почему въ этихъ районахъ рядомъ съ быстрой дифференціаціей *крестьянъ* происходитъ нищенская нивелировка крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Но въ 90-хъ гг. эти взгляды были чужды почти всѣмъ нашимъ молодымъ марксистамъ

1) См. Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи. Докладъ члена Вол. Эк. Общ. Туг.-Барановскаго, и пренія. 1898 г., стр. 37 и др.

(за исключеніемъ отчасти П. Струве). Наши девяностники, вмѣсто того, чтобы дать марксистскую оцѣнку обнищанія крестьянъ (не смѣшивая съ пролетариатомъ) въ значительной части Россіи, просто отвергали этотъ фактъ. Лучше всего это можно прослѣдить на работахъ нашего главнаго теоретика аграрнаго вопроса 90-хъ гг., Ильина, книга котораго «Развитіе капитализма въ Россіи», при всѣхъ ея недостаткахъ, составила крупный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Въ указанной выше статьѣ противъ Струве В. Ильинъ справедливо обвиняетъ Струве въ томъ, что тотъ въ своихъ «Критическихъ Замѣткахъ» затушевываетъ классовый антагонизмъ между зарождающимися въ деревнѣ пролетариатомъ и буржуазіей. Но приэтомъ онъ, въ противоположность Струве, самъ затушевываетъ другое противорѣчіе—между интересами капиталистическаго развитія въ цѣломъ и господствующими у насъ въ деревнѣ имущественными отношеніями. «Но г. Струве», пишетъ онъ иронически, «и тутъ не могъ обойтись безъ своего мальтузианства; въ указанномъ процессѣ (въ развитіи классового антагонизма въ деревнѣ, А. М.), по его мнѣнію, выражается лишь *одна сторона* дѣла («только прогрессивная сторона»), рядомъ съ которой есть и другая: техническая нерациональность всего крестьянскаго хозяйства; въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивелируетъ» крестьянство, сглаживаетъ неравенство, дѣйствуя въ связи съ ростомъ населенія»¹⁾. На эту «другую сторону», отмѣченную П. Струве, Ильинъ, какъ и другіе марксисты—девяностники, систематически закрывали глаза. По поводу фразы Струве, что «во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—основной, доминирующій фактъ нашего народнаго хозяйства», В. Ильинъ заявляетъ: «совершенно голословно»...: почему «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» не является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція, ибо (!) внутри его складываются враждебные классы»²⁾. Итакъ, Ильинъ объявляетъ «доминирующимъ фактомъ» для Россіи, задыхающейся еще въ полукрѣпостнической обстановкѣ, лишь ту борьбу съ капиталомъ, которая заполняетъ жизнь развитыхъ капиталистическихъ странъ, и, такимъ образомъ, однимъ росчеркомъ пера устраняетъ одну изъ главныхъ социальныхъ пружинъ русской буржуазной революціи. Правда, въ своей книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи», вышедшей въ 1899 г., такъ же впрочемъ, какъ и въ указанной статьѣ противъ Струве, Ильинъ говоритъ объ экономически реакціонной роли «остатковъ крѣпостничества» въ деревнѣ. Но онъ подъ этими остатками крѣпостничества понимаетъ не все крѣпостное наслѣдіе прошлаго, не всю совокупную національную обстановку русской жизни, тормозящую развитіе нашего капиталистическаго сельскаго хозяйства. Онъ видитъ проявленіе этихъ особенностей лишь въ частностяхъ, вродѣ «отработочной формы» аренды, которую онъ самъ же характеризуетъ, какъ нѣчто быстро преходящее, какъ естественную переходную стадію отъ барщиннаго помѣщичьяго хозяйства къ капиталистическому. Приэтомъ онъ констатируетъ, что въ помѣщичьемъ хозяйствѣ капиталистическая аренда уже теперь преобла-

1) См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ“, стр. 107.

2) Ibid стр. 97, 98.

дасть надъ отработочной ¹⁾). Что же касается самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, т. е. хозяйства крестьянъ на надѣльной и купчей землѣ, то онъ доказываетъ, что въ Россіи уже теперь *повсемѣстно* 20% крестьянскихъ дворовъ должны быть зачислены въ буржуазію, а 40% дворовъ пролетаризированы, причемъ онъ въ расчетахъ оперируетъ исключительно съ понятіемъ «крестьянскій дворъ», а между тѣмъ, какъ это было указано въ литературѣ, по общему правилу, богатые крестьянскіе дворы—многосемейны, а бѣдные—малосемейны, обстоятельство, которое можетъ внести болѣе или менѣе существенное измѣненіе въ экономическую картину, нарисованную Ильинимъ ²⁾.

Читатель видитъ, что Ильинъ, какъ и большинство девяностниковъ, плохо понималъ основное экономическое противорѣчіе современной Россіи. Отсюда, между прочимъ, должно было вытекать непониманіе специфическаго характера, которымъ должно было отличаться крестьянское движеніе, если бы оно разыгралось, и которымъ оно, какъ мы теперь знаемъ, дѣйствительно отличалось въ 1905 и 1906 годахъ.

Тутъ кстати будетъ указать на связь между этими взглядами и первой аграрной программой русской с.-демократіи, съ ея требованіемъ «возвращенія отрѣзковъ». Ленинъ былъ авторомъ проекта аграрнаго отдѣла программы 1902 г., этотъ проектъ въ значительно исправленномъ видѣ былъ принятъ всей старейшей коллегіей редакціи «Искры». Однако, члены «Гр. Осв. Труда», какъ мы увидимъ, при выработкѣ аграрной программы 1902 г., исходили изъ принципиально отличныхъ соображеній, чѣмъ Ленинъ. Какъ видно изъ комментарія Ленина къ аграрной программѣ, онъ въ 1902 г. уже до известной степени усвоилъ взглядъ Плеханова и Аксельрода на особенность историческаго положенія современнаго русскаго крестьянства, но только до известной степени. Мотивируя въ полемикѣ со мною и попутно съ Р. Люксембургъ требованіе возвращенія отрѣзковъ, Ленинъ писалъ въ 1902 г.: «наши крестьянскія требованія... должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы* ли они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы* ли они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата»; «такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло опредѣлить на основаніи научныхъ данныхъ—*максимумъ* (курсивъ Ленина) этихъ требованій» ³⁾. Итакъ, еще въ 1902 г. Ленинъ полагалъ, что возвращеніе крестьянамъ «отрѣзныхъ земель» есть максимумъ того, что можетъ быть завоевано революціей безъ нарушенія интересовъ общественнаго, т. е. при наличныхъ условіяхъ, капиталистическаго развитія и безъ нарушенія интересовъ классовой борьбы пролетаріата. Еще въ 1902 г. Ленинъ думалъ, стало быть, что полная экспроприація крупнаго земле-

¹⁾ См. В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи“.

²⁾ См. Н. Черненко, „Къ характеристикѣ крестьян. хозяйства“.

Если бы Ильинъ ввелъ въ расчетъ численный составъ крест. двора, то во 1) % буржуазіи получился бы меньшій, во 2) обнаружилось бы, что онъ подчасъ приписываетъ капит. характеръ такому хозяйству, которое носитъ еще всѣ слѣды старой семейной общины, находящейся въ процессѣ разложенія.

³⁾ См. Заря № 4, „Агр. прогр. рус. соц.-дем.“ Н. Ленина, стр. 63.

владѣнія была бы мѣрой экономически реакціонной въ Россіи). Принципіально иначе смотрѣла на значеніе требованія возвращенія отрѣзковъ «Группа Освоб. Труда». По мотивировкѣ Г. В. Плеханова, именно только «соотношеніе силъ» данного момента, т. е. тактическія соображенія—опасность контрр-революціонной коалиціи буржуазныхъ классовъ противъ радикальныхъ аграрныхъ требованій, при отсутствіи въ данное время дѣйствительно сильнаго крестьянскаго движенія для ихъ поддержки, обязывала социаль-демократію воздержаться отъ внесенія въ программу полной экспропріаціи. При благоприятномъ же измѣненіи соотношенія силъ и при развитіи революціоннаго движенія крестьянъ, онъ, Г. Плехановъ, считалъ возможнымъ и цѣлесообразнымъ расширить требованія вплоть до полной экспропріаціи, нисколько не опасаясь, что это повредитъ развитію капитализма. Приэтомъ онъ, сознательно не дѣлая въ то время изъ экспропріаціи боевого лозунга, въ то же время по-прежнему ²⁾ не скрывалъ своего взгляда на этотъ счетъ и, одновременно съ Ленинымъ, далъ въ «Зарѣ» свой комментарий къ аграрной программѣ, принципіально расходящейся съ Ленинскимъ.

Обостреніе противорѣчія между развивающимся капиталистическимъ производствомъ и отсталыми имущественными и правовыми отношеніями, противорѣчія, главный узелъ котораго завязанъ въ закабаленной деревнѣ—такова экономическая пружина нашей надвигающейся буржуазной революціи, говорили Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. Но молодые соц.-демократы 90-хъ гг., какъ мы указывали выше, всей остроты этого противорѣчія не видѣли. Они не дооцѣнивали значенія аграрнаго вопроса въ Россіи, а съ этимъ логически связана была недооцѣнка размаха и общенациональнаго характера грядущей революціи. Именно закабаленность и обнищаніе деревни должны были при данныхъ условіяхъ, раньше или позже, революціонизировать крестьянъ, это же, тормозя развитіе капитализма, должно было раньше или позже увлечь и буржуазію на путь оппозиціи. Естественно, что съ односторонней оцѣнкой экономической дѣйствительности у девяностниковъ тѣсно связанъ былъ неправильный взглядъ ихъ на возможную революціонную роль разныхъ общественныхъ классовъ въ Россіи.

На Лондонскій интернаціональный социалистическій конгрессъ 1896 г. русскіе социаль-демократы, делегированные десятью городами, представили привезенный изъ Россіи докладъ о нашемъ рабочемъ движеніи съ приложеніемъ—«Аграрный вопросъ и социальная демократія въ Россіи». Въ этомъ официальномъ документѣ, въ «Приложеніи» къ доводу делегациа, мы читаемъ: «Аграрный вопросъ и практическое отношеніе къ нему становится настоящимъ дѣломъ для социаль-демократіи, когда промышленное населеніе, этотъ историческій носитель рабочаго социализма, является уже насыщеннымъ социалистическими

¹⁾ Долженъ сказать pro domo sua, что у меня лично, подъ влияніемъ той же марксистской литературы 90-хъ годовъ, въ то время „неосновательныя опасенія“ шли еще гораздо дальше. Впрочемъ, нашу самобытную теорію кризисовъ я и тогда уже рѣзко осудилъ въ статьѣ, которая по случайнымъ причинамъ не появилась въ печати.

²⁾ См. Г. Плехановъ, „Социализмъ и полит. борьба“ и его же „О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ“.

идеями. Мы же переживаемъ еще самое начало движенія, когда идеѣ классовой борьбы предстоитъ еще завоевать большинство населенія, занятого въ крупной промышленности» ¹⁾).

Читатель видитъ изъ этихъ словъ, что молодые социаль-демократы 90-хъ гг. отождествляли аграрный вопросъ въ Россіи и на Западѣ, что они не видѣли его особенностей у насъ въ странѣ, находящейся еще наканунѣ буржуазной революціи, и, соотвѣтственно этому, отирачивали «настоятельность» самой постановки его до кануна социалистической революціи. Неудивительно потому, что приведенный «докладъ» приходитъ къ весьма тощимъ практическимъ выводамъ въ этой борьбѣ: «задача ея (русской социаль-демократіи) въ этой области (аграрныхъ отношеній) сводится, главнымъ образомъ, къ борьбѣ противъ реакціонныхъ поповленій, имѣющихъ цѣлью задержать ростъ силы пролетаріата» ²⁾).

То же недостаточное пониманіе исторической особенности нашего положенія обнаруживаетъ другой, еще болѣе оффиціальныи с.-дем. документъ того времени, — «Манифестъ Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи», изданный въ 1898 г. «Манифестъ» говоритъ: «чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы». Манифестъ устанавливаетъ поверхностный эмпирическій законъ. Онъ принимаетъ во вниманіе лишь то, что на буржуазію въ запоздалыхъ восточныхъ революціяхъ *реакціонно* дѣйствуетъ развитое социалистическое движеніе пролетаріата на западѣ. Онъ не принимаетъ во вниманіе, что на нее *революціонно* дѣйствуетъ развитой деспотизмъ и крѣпостничество на Востокѣ. Поэтому онъ совершенно отождествляетъ судьбы либерализма въ современной Россіи наканунѣ революціи съ его судьбами въ современномъ Западѣ послѣ революціи, поэтому же онъ не только не задается вопросомъ объ отношеніи пролетаріата къ будущему оппозиціонному и революціонному движенію тѣхъ или другихъ буржуазныхъ элементовъ общества; онъ, вообще, объ этомъ движеніи ни словомъ не упоминаетъ и изображаетъ предстоящую революціонную борьбу пролетаріата, какъ совершенно *изолированную*.

Логически политическіе взгляды девяностниковъ вытекали изъ ихъ экономическаго анализа русской дѣйствительности. *Фактически*, конечно, на самомъ этомъ анализѣ отразилась лишь социально-политическая обстановка нашего движенія въ 90-хъ годахъ, — во-первыхъ, самый промышленный подъемъ, связанный съ быстрыми успѣхами капитализма; во-вторыхъ, еще полное почти въ то время отсутствіе политически дифференцированныхъ непролетарскихъ теченій въ освободительномъ лагерѣ. Неизбѣжное возникновеніе наканунѣ революціи разныхъ самостоятельныхъ политическихъ движеній въ непролетарскихъ классахъ маскировалось тѣмъ, что въ Россіи, благодаря отсталости общественныхъ отношеній, эта дифференціація обнаружилась первоначально не въ движеніи самихъ этихъ классовъ, а въ движеніи ихъ идеологовъ, въ движеніи

¹⁾ См. Докладъ рус. соц.-дем. междунар. раб. социал. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г. Изданіе „Союза Русск. соц.-дем.“ стр. 29.

²⁾ См. тамъ же, стр. 32.

интеллигенці; въ 90-хъ же годахъ даже и въ интеллигенціи еще мирно сосуществовали подъ общимъ флагомъ будущіе либералы и соц.-демократы. Чтобы при такихъ условіяхъ уже въ то время открыть зачатки этой дифференціаціи, необходимо было оцѣнить правильно роль интеллигенціи въ русской политической жизни и зорко слѣдить за совершающимися въ ней молекулярными процессами. Но тогдашнее поколѣніе марксистовъ изъ реакціи противъ народниковъ вмѣсто того, чтобы матеріалистически объяснить «роль личности» въ исторіи, склонно было ее просто игнорировать и, соотвѣтственно этому, разсматривать интеллигенцію, какъ ничтожную величину, какъ *quantité negligible* ¹⁾.

И въ то время были, конечно, исключенія. Такъ, напр., А. Потресовъ въ статьѣ, написанной въ дополненіе къ статьѣ В. Ильина—«Отъ какого наследства мы отказываемся», описываетъ самостоятельныя судьбы русской «разночинной интеллигенціи», характеризующіяся тремя чертами—отщепенствомъ, свободолобіемъ и потребностью найти точку опоры въ массахъ. Въ этой статьѣ онъ показываетъ, что старая вражда между «свистунами» 60-хъ годовъ (Добролюбовъ и Чернышевскій) и либералами послѣ голода 1891 г. возродилась, при измѣнившихся историческихъ условіяхъ, въ новой формѣ борьбы между марксистами и народниками, причемъ народники нашли себѣ теперь новую социальную базу и превратились по существу въ либераловъ; марксисты же укрѣпились въ покинутой народниками социальной средѣ разночинцевъ и связались съ новымъ «общественнымъ элементомъ» (т. е. съ пролетаріатомъ). Эта борьба, говоритъ авторъ, конечно, способна нарушить «добрыя сосѣдскія отношенія и ослабить силу совмѣстнаго и дружнаго... бездѣйствія», о которомъ мечтаетъ Южаковъ и К^о, но она же создаетъ почву для цѣлесообразныхъ «совмѣстныхъ дѣйствій», при которыхъ можно будетъ, «не пряча въ карманъ своихъ идеаловъ, поставить дѣло, такъ сказать, на дѣловую почву, безъ сентиментальностей и безплодныхъ заигрываній...» ²⁾. Это писалъ А. Потресовъ въ 1899 г. Но, повторяемъ, въ 90-хъ годахъ такіе разсужденія были исключеніемъ, подтверждающимъ лишь общее правило. Характернымъ для этого времени и особенно для середины 90-хъ годовъ были не эти взгляды, а тѣ, которые красной нитью проходили почти черезъ всѣ статьи тогдашняго марксистскаго органа «Новое Слово» и которые формулированы были въ приведенныхъ выше партійныхъ документахъ. По проницательности судьбы тотъ самый П. Струве, который впоследствии положилъ начало либеральной партіи, какъ человекъ, особенно чувствительно отражающій вѣянія времени, въ 1897 г. былъ яркимъ выразителемъ теоріи изолированія борьбы пролетаріата. Именно онъ былъ авторомъ цитированнаго «Доклада», онъ же былъ авторомъ «Манифеста» 1898 года, наконецъ, онъ же въ 1897 году въ «Рабочникѣ» подъ псевдонимомъ «Петербуржецъ» писалъ: «Русское рабочее движеніе, проникнутое соц.-демократическими идеями, будетъ главнѣйшей силой, которая своимъ непрерывнымъ развитіемъ низвергнетъ существующій въ Россіи политическій строй. . Рабочій классъ въ Россіи есть единственный революціонный

¹⁾ См., напр., П. Струве «Критическія замѣтки».

²⁾ См. А. Потресовъ. О «наследствѣ» и «наследникахъ», «Этюды о рус. интел.» стр. 74, 89, 100, 105, 108.

классъ...»¹⁾. Эти слова сами по себѣ могли бы быть разнѣ истолкованы. Но дѣйствительно скрывающаяся въ нихъ тенденція станетъ очевидна, если ихъ сопоставить, съ одной стороны, съ «Манифестомъ» и «Докладомъ», съ другой, съ практикой соц.-демократовъ конца 90-хъ годовъ.

* . *

Изъ теоретическихъ посылокъ молодыхъ марксистовъ середины 90-хъ годовъ, изъ недостаточнаго пониманія основного экономическаго противорѣчія современной Россіи логически вытекала практика такъ называемаго «экономизма». Распространеніе экономизма находилось въ связи съ переходомъ соц.-демократіи отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи, и задатки этого направленія имѣлись уже въ извѣстной брошюрѣ «Объ агитаціи», которая сыграла большую роль, какъ руководство въ новомъ дѣлѣ агитаціи среди широкихъ массъ. Условія, при которыхъ въ то время приходилось вести массовую агитацію, несомнѣнно весьма предрасполагали къ «экономизму». Однако, само по себѣ приспособленіе соц.-демократіи въ обстановкѣ 90-хъ годовъ къ условіямъ массовой агитаціи и въ то время не могло бы привести къ возведенію «экономизма» въ принципъ и къ суженію соц.-демократическихъ задачъ, если бы соц.-демократическіе агитаторы отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что при данныхъ русскихъ условіяхъ оживленіе рабочаго движенія неизбѣжно должно будетъ привести раньше или позже къ нарастанію оппозиціоннаго или революціоннаго настроенія въ другихъ классахъ, что этотъ подъемъ общественнаго настроенія дастъ неизбѣжно толчекъ и политическому самоопредѣленію этихъ классовъ, съ которыми рабочей партіи очень скоро придется считаться, какъ съ соратниками или соперниками, и что совокупное дѣйствіе этихъ силъ вызоветъ общенациональную революцію. Но именно эта перспектива плохо вязалась со всѣмъ тѣмъ, что говорилось въ произведеніяхъ молодыхъ марксистскихъ теоретиковъ середины 90-хъ гг., представлявшихъ себѣ борьбу русскаго пролетаріата почти совершенно изолированной.

Было бы, конечно, неосновательно возлагать ответственность за крайности практики такъ назыв. «экономизма» непосредственно и всецѣло на молодыхъ теоретиковъ середины 90-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ этихъ теоретиковъ, особенно тѣ, которые стояли во главѣ движенія въ слѣдующій «искровскій» періодъ, уже тогда, въ 90-хъ годахъ, яснѣе понимали политическое положеніе и шире ставили задачи соц.-демократіи, нежели большинство соц.-демократовъ того времени²⁾. Мы сошлемся, наиримѣръ, на два документа—на брошюру Л. Мартова «Современная Россія», написанную въ 1897 г. и изданную въ 1898 г., и на написанную въ то же время брошюру Н. Ленина «Задачи русскихъ соц.-демокра-

¹⁾ См. Петербуржецъ. «По поводу петерб. стачки», „Работникъ“ № 3 и 4, 1897 г.

²⁾ И въ послѣдней редакціонной коллегіи заграничнаго органа „Рабочее Дѣло“, въ общемъ точно отражавшаго уровень развитія движенія 90-хъ годовъ, не всѣ удовлетворялись этимъ уровнемъ. См. статью Мартынова „Очередные вопросы“, направленную противъ „теоріи стадій“ и противъ „теоріи завоеванія частичныхъ правъ“, „Рабочее Дѣло“ № 9.

товъ». Л. Мартовъ въ упомянутой брошюрѣ даетъ конкретный анализъ политическаго положенія Россіи въ царствованіе Александра III и Николая II. Анализъ въ той части, которая касается эпохи 90-хъ годовъ, почти совершенно совпадаетъ съ анализомъ, сдѣланнымъ П. Аксельродомъ въ 90-хъ гг. Но тѣмъ не менѣе авторъ изъ этого анализа не дѣлаетъ тѣхъ практическихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ П. Аксельродъ, и, говоря о задачахъ агитаціи среди рабочихъ, не указываетъ еще на необходимость выдвигать именно тѣ вопросы, въ которыхъ скрещиваются интересы разныхъ классовъ ¹⁾. Съ другой стороны, П. Ленинъ въ упомянутой брошюрѣ выдвигаетъ въ большей или меньшей степени именно эти агитаціонныя задачи, говоритъ о пролетаріатѣ, какъ о «передовомъ борцѣ русской демократіи», говоритъ о работѣ надъ образованіемъ «единой соц.-демократической рабочей партіи» и т. д. Но авторъ этой брошюры, написавшій ее въ защиту русской соц.-демократіи отъ нападокъ народовольцевъ и народоуправцевъ, излагаетъ задачи соц.-демократіи такъ абстрактно, схематично, безъ связи съ конкретной политической обстановкой, что впоследствии, въ 1900 г., редакція «Рабочаго Дѣла», отрицавшая господство «экономизма», въ спорѣ съ П. Аксельродомъ нашла возможнымъ сослаться на эту брошюру въ доказательство того, что, вопреки мнѣнію П. Аксельрода, изложенному въ предисловіи къ брошюрѣ, она описываетъ *фактическое* состояніе соц.-демократіи конца 90-хъ гг. и что программа «Рабочаго Дѣла» цѣликомъ совпадаетъ съ сущію брошюры «Задачи» ²⁾. Вообще же говоря, не эти взгляды отдѣльныхъ единицъ, въ которыхъ къ тому же не было еще стройной логической связи между политическимъ анализомъ и постановкой фактическихъ задачъ, были характерны для середины 90-хъ годовъ. Неизмѣримо больше вліянія оказали на тогдашнее марксистское поколѣніе тѣ экономическія статьи и изслѣдованія В. Ильина-Ленина и другихъ молодыхъ теоретиковъ того времени, о которыхъ мы раньше говорили. Въ этихъ же изслѣдованіяхъ заключались несомнѣнно уже многія существенныя предпосылки для практики такъ наз. «экономизма».

Въ самомъ дѣлѣ: если правъ былъ Ленинъ, когда онъ въ 1895 г. утверждалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція»; если онъ былъ правъ, когда на всѣ лады доказывалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» является антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей; если вѣрны были соответствующіе этому взгляды составителей доклада на лондонскій интернаціональный съѣздъ и вдохновителей автора Манифеста 1898 г., то очевидно, что и полицейская защита и финансовое покровительство, оказываемыя правительствомъ капиталистамъ, должны были, по аналогіи съ Западомъ, казаться проявленіемъ непосредственнаго политическаго господства буржуазіи, какъ класса. Если вѣрны были эти взгляды, то у насъ такъ же, какъ и на Западѣ, движущія силы революціонной борьбы пролетаріата лежатъ цѣликомъ въ сферѣ его антагонизма съ капиталистической буржуазіей и совершенно не коренятся въ

¹⁾ См. „Соврем. Россія“ 1898 г. гл. II „Либерализмъ и демокр. оппозиція“ и гл. V „Полит. значеніе рус. раб. движенія“.

²⁾ См. Н. Ленинъ „Задачи рус. соц.-демократовъ“, съ предисл. П. Аксельрода и „Отвѣтъ ред. „Раб. Дѣла“ на писъма П. Аксельрода“.

общенациональномъ антагонизмѣ со старымъ порядкомъ. Отсюда иллюзія, что борьба рабочихъ съ непосредственными эксплуататорами-предпринимателями и съ защищающей ихъ полиціей есть уже политическая борьба въ широкомъ смыслѣ слова. Отсюда пресловутая «теорія стадій», признававшая борьбу съ предпринимателями единственной школой политической борьбы. Отсюда и пресловутая теорія завоеванія «частичныхъ правъ», предполагавшая, что пролетаріатъ будетъ бороться всегда въ политически безвоздушномъ пространствѣ, что онъ самъ и для себя завоюетъ постепенно одно право за другимъ въ борьбѣ съ соединенными силами правительства и капиталистической буржуазіи.

* * *

Соціалдемократы 90-хъ гг., при всей односторонности своихъ взглядовъ, сдѣлали большое историческое дѣло. Ихъ дружный натискъ на народниковъ вынудилъ послѣднихъ къ отступленію по всей линіи, послѣдствіемъ чего было привлеченіе вниманія всей демократической интеллигенціи къ пролетариату; дѣятельность же соц.-демократовъ практиковъ вовлекла впервые широкія рабочія массы въ движеніе. Тотъ фактъ, что классъ-освободитель выступилъ, наконецъ, на историческую сцену, окрыляя своимъ выступленіемъ надежды всѣхъ передовыхъ людей Россіи, былъ въ немалой степени результатомъ побѣдоносной борьбы марксизма 90-хъ гг. съ народничествомъ. Предвидя этотъ результатъ,—выходъ изъ политическаго тупика,—многіе, по своей тенденціи, чисто либеральные элементы интеллигенціи стали на сторону марксизма и подъ его знамя съ того самаго момента, какъ указанная борьба загорѣлась на страницахъ нашей легальной прессы, т. е. съ середины 90-хъ гг. Будущіе «освобожденцы» и кадеты—Струве, Туганъ-Барановскій, Булгаковъ, Бердяевъ, Изгоевъ, Богучарскій, отчасти Милуновъ и другіе выступали въ то время открыто съ защитой марксизма или подъ его флагомъ, а въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ велись марксистскіе дебаты подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ не кого иного, какъ гр. Гейдена. Хотя въ этомъ общемъ хорѣ будущіе буржуазные либералы уже и въ то время всегда подчеркивали больше неизбѣжность капиталистическаго развитія Россіи и необходимость ея европеизаціи, а соц.-демократы—необходимость развитія классовой борьбы, тѣмъ не менѣе, это не вносило дисгармоніи въ хоръ, и участники его въ теченіе нѣкотораго времени не сознавали необходимости размежевываться. По крайней мѣрѣ, въ журналѣ «Новое Слово» хоръ постепенно вполне спѣлся ¹⁾.

Сосуществованіе скрытыхъ буржуазныхъ либераловъ и соц.-демократовъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ оказалось возможнымъ потому, что задачи, какъ онѣ ставились въ то время обѣими сторонами, хотя и не вполне сходились, тѣмъ не менѣе ни въ одномъ пунктѣ еще враждебно не сталкивались. Молодые соц.-демократы девяностники, правда, выдвигали на первый планъ,

¹⁾ Первоначальныя апологетическія ноты въ оцѣнкѣ капитализма у П. Струве, Тугана-Барановскаго и другихъ, одно время почти исчезли подъ вліяніемъ критики Тулина (Ленинъ) и „самарцевъ“ (П. Масловъ, Гвоздевъ и Санинъ) и еще больше подъ вліяніемъ роста рабочаго движенія, и книга, напр., Туг.-Барановскаго „Фабрика“ давала практикамъ богатый агитационный матеріалъ.

наряду съ борьбой противъ политическаго безправія, борьбу съ капиталистами но цѣли буржуазіи, какъ класса, идутъ гораздо дальше цѣли непосредственной эксплуатаціи, преслѣдуемой предпринимателями; о предстоящемъ же *политическомъ* самоопредѣленіи буржуазіи подъ флагомъ либерализма и о необходимости *политической* борьбы съ буржуазіей, какъ съ классомъ, за вліяніе на ходъ и исходъ революціи соц.-демократы девяностидесятники, какъ мы видѣли, и не задумывались еще. И политическія надежды ихъ тоже не шли дальше либеральныхъ: «Русская соц.-демократія вообще чужда вѣры въ политическія чудеса, и, въ частности, она не вѣритъ въ полную демократизацію русскихъ государственныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ», говорилъ, напр., ихъ докладъ на лондонскій интернаціональный конгрессъ въ 1896 г. Съ другой стороны, и либерализмъ не имѣлъ никакихъ основаній еще непосредственно опасаться тѣхъ элементарныхъ формъ, которыя тогда стихійно принимало рабочее движеніе, и тѣхъ методовъ воздѣйствія на рабочихъ, къ которымъ въ то время прибѣгали практики соц.-демократы. Напротивъ того, либерализмъ инстинктивно чувствовалъ, что на этой стадіи развитія рабочее движеніе является, между прочимъ, необходимой предпосылкой его собственнаго возрожденія.

Однако положеніе это было весьма не прочно. Марксизмъ привлекалъ Струве и его единомышленниковъ только извѣтными своими сторонами. Но теорія эта, служа имъ незамѣнимымъ оружіемъ въ борьбѣ съ народничествомъ, въ то же время связывала и обязывала ихъ. Поэтому, когда народничество оказалось побѣжденнымъ и когда, векорѣ послѣ того, обнаружались первые признаки оживленія въ буржуазной интеллигенціи подъ косвеннымъ вліяніемъ рабочаго движенія, Струве и его единомышленники, нащупавши почву для возрожденія либерализма, торопливо начали высвобождаться изъ марксистскаго плѣна и сбрасывать съ себя оковы нетерпимой и «узкой» марксовой догмы. Наступила эра русской «критики» Маркса, которая по времени нѣсколько предупредила бернштейнское теченіе на Западѣ, затѣмъ короткое время шла съ нимъ въ ногу, но скоро оставила его далеко позади себя, не вызывая уже ни въ комъ сомнѣнія въ ея буржуазной соціальной подкладкѣ. Впрочемъ, уже съ первыхъ своихъ шаговъ эта «критика» лишь слегка видоизмѣняла и комбинировала положенія, защищавшіяся новѣйшими представителями зап.-европейской буржуазной мысли, Brentano, Рилемъ, Виндельбандомъ, Зомбартомъ, Зиммелемъ, Штамлеромъ и др.

Уже въ 1894 г. въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ» П. Струве оговаривался, что онъ не ортодоксальный марксистъ; уже тогда онъ въ робкой формѣ пытался «дополнить» марксизмъ философскимъ критицизмомъ, вносилъ мальтузианскія поправки въ маркову теорію народонаселенія и усиленно выдвигалъ на первый планъ національно-культурныя задачи, затушевывая въ то же время классовыя задачи пролетаріата. Но эти зачатки «критики» марксизма, встрѣтившіе съ самаго начала отпоръ въ статьѣ Тулина (Ленина), по-своему тоже, впрочемъ, весьма однобокой, получили дальнѣйшее развитіе лишь отчасти въ 1897 г., особенно же въ 1899 г. Въ 1897 г. Струве помѣщаетъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» статью—«Свобода и историческая необходимость», направленную противъ матеріализма и въ защиту кантіанскаго крити-

цизма. Въ этомъ же году онъ въ статьѣ о цюрихскомъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ, помѣщенной въ «Новомъ Словѣ», констатируетъ фактическій, якобы, отказъ современнаго социализма отъ теоріи революціонныхъ катастрофъ. Затѣмъ въ 1899 г. онъ въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv, подвергаетъ рѣшительной критикѣ взглядъ Маркса на социальную революцію. Черезъ годъ П. Струве вмѣстѣ съ Туганъ-Барановскимъ подвергаетъ критикѣ марксову теорію стоимости въ статьѣ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности». Одновременно онъ въ предисловіи къ книгѣ Бердяева выступаетъ впервые на защиту метафизики. Вслѣдъ за Струве эволюцію въ томъ же направленіи продолжаютъ его единомышленники. Въ 1900 г. Бердяевъ выпускаетъ свою книгу «Субъективизмъ и индивидуализмъ», въ которой онъ развиваетъ свое новое profession de foi. Въ томъ же году Булгаковъ выпускаетъ свое сочиненіе «Капитализмъ и земледѣліе», въ которомъ онъ вслѣдъ за ревизионистомъ Герцемъ, опровергаетъ марксову теорію аграрной эволюціи. Наконецъ, въ 1902 г. появляется боевой сборникъ «Проблемы идеализма», въ которомъ бывшіе марксисты окончательно отряхиваютъ прахъ отъ ногъ своихъ.

Критика марксизма шла у насъ, какъ и на Западѣ, параллельно двумя путями: съ одной стороны, борьба велась въ плоскости философіи, противъ «догматическаго» матеріализма, во имя «критическаго» идеализма и закончилась капитуляціей передъ религіей и метафизикой. Съ другой, она велась противъ «ошибокъ» социальна-политическаго ученія Маркса, противъ теоріи обостренія классовыхъ противорѣчій, противъ теоріи социальной революціи, расширяясь постепенно въ борьбу противъ «деспотизма» демократіи во имя свободы личности и правъ человѣка. Обѣ стороны «критики» находились, конечно, въ тѣснѣйшей связи и взаимно дополняли другъ друга.

Въ своей статьѣ «Свобода и историческая необходимость» П. Струве заявляетъ, что «послѣ Канта тщетны всѣ попытки объединить свободу и необходимость въ одномъ высшемъ началѣ». Стараясь затѣмъ опредѣлить сферу компетенціи свободы, онъ предварительно отождествляетъ бытіе съ мышленіемъ, «ибо мышленіе бытія равносильно бытію мышленія» и, такимъ образомъ, лишаетъ оцѣнку нашей свободной дѣятельности всякаго объективнаго критерія, взятаго изъ дѣйствительности, изъ объективнаго «бытія». Чѣмъ же отличается царство свободы и долженствованія отъ царства бытія и необходимости? Тѣмъ же, чѣмъ, якобы, отличается субъективное отъ объективнаго—не по содержанію, а количественно, по степени «связности и прочности элементовъ (опредѣленіе Зиммеля). Свобода и долженствованіе есть, такимъ образомъ, то же бытіе, но не связанное, непрочное, призрачное бытіе, «состояніе между небытіемъ и бытіемъ»¹⁾. Этотъ выводъ имѣлъ для Струве ту высокую «идеалистическую» цѣнность, что онъ превращалъ будущій социалистическій строй, къ осуществленію котораго онъ «свободно» стремился, изъ чего-то неизбѣжнаго въ неразрѣшенную «проблему», въ призракъ, въ «состояніе между бытіемъ и небытіемъ». Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Бердяева Струве дѣлаетъ еще шагъ впередъ въ этомъ напра-

¹⁾ См. П. Струве. „На разныя темы“ (1893—1901 гг.). Сборникъ статей, стр. 488, 493, 494.

вленіи. Чтобы окончательно скинуть съ себя стѣнительныя узы дѣйствительности, онъ заявляетъ уже тамъ, что «носителемъ свободы является духовная одухотворенная субстанція» и что «наша позитивная теорія познанія... съ полной ясностью обнаруживаетъ ограниченность позитивизма и необходимость метафизики»¹⁾.

Параллельно съ тѣмъ, какъ П. Струве въ области философіи подвигался назадъ отъ матеріализма черезъ «критическій позитивизмъ» къ «метафизическому идеализму», онъ, въ области политики, отъ точки зрѣнія классовой борьбы постепенно переходилъ къ точкѣ зрѣнія «соціального мира». Уже въ 97 г. онъ, на основаніи своихъ наблюденій на Цюрихскомъ конгрессѣ, утверждаетъ: «Все болѣе и болѣе распространяется и врѣняетъ убѣжденіе, что соціальныя реформы вовсе не представляютъ изъ себя жалкаго штопанія, а, наоборотъ, являются лишь звеньями въ той органической цѣпи формъ, которая ведетъ отъ одной общественно-политической формации къ другой»²⁾. Въ 99 г. въ своей статьѣ въ Braun's Archiv'ѣ онъ не только констатируетъ фактъ притупленія классовыхъ противорѣчій, но доказываетъ невозможность ихъ обостренія, невозможность соціальной революціи, ибо это понятіе противорѣчитъ-де логическому «закону непрерывности». Въ 1900 же году въ статьѣ объ «Антиноміяхъ» онъ доказываетъ, что цѣнность создается не только трудомъ, но и капиталомъ, и тѣмъ самымъ опровергаетъ самую наличность принудительнаго антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Въ томъ же направленіи, какъ П. Струве, хотя и другими тропинками, подвигается Н. Бердяевъ. Въ своей книгѣ—«Субъективизмъ и индивидуализмъ», направленной формально противъ Н. Михайловскаго, онъ ставитъ себѣ цѣлью соединить «марксовскій соціальный монизмъ» съ «кантовскимъ философскимъ критицизмомъ»³⁾. Весь историческій процессъ съ его развитіемъ производительныхъ силъ, съ его классовой борьбой и классовыми идеалами, а заодно и всѣ законы «историческаго матеріализма» Бердяевъ относитъ всецѣло къ области *психологии*, «черпающей все свое содержаніе изъ опыта»⁴⁾. Все это, по его словамъ, имѣетъ лишь эмпирическую, относительную, «субъективную» цѣнность. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ «соціальный монизмъ» Маркса, какъ мы видѣли, совершенно не матеріалистически имъ понятый, дополнить трансцендентальной философійю Канта, которая одна лишь даетъ намъ апріорную, общеобязательную и абсолютную истину и абсолютныя, общеобязательныя этическія нормы. Къ счастью для теоріи Маркса, Бердяевъ въ этой книгѣ не усматриваетъ противорѣчій между эмпирическимъ міромъ, который, по его мнѣнію, есть царство свободы, подлежащее вѣдѣнію Маркса, и трансцендентальнымъ міромъ, царствомъ необходимости, подлежащимъ вѣдѣнію Канта, ибо историческій прогрессъ, носителемъ котораго является прогрессивный классъ, стремится приблизиться къ абсолютной истинѣ и абсолютной справедливости, порукой чему служить «нравственный міропорядокъ, постулируемый нашимъ практическимъ разумомъ»⁵⁾.

¹⁾ См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр. XXXII, LI.

²⁾ См. И. Струве. „На разные темы“, стр. 414, 415.

³⁾ См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр. 19.

⁴⁾ Ibid., стр. 85, 86, 21.

⁵⁾ Ibid., стр. 48, 75, 106.

Однако Бердяевъ, объявившій законы историческаго развитія законами чисто-психологическими и поднявшійся надъ эмпирической исторіей въ область трансцендентальную, очень много въ этой земной исторіи сталъ недоглядывать. Такъ, онъ уже въ этой книгѣ объявляетъ «теорію катастрофъ» нелѣпостью, отмѣчаетъ необходимость подвергнуть теорію цѣнности Маркса «глубокой переработкѣ», «окончательно» провозглашаетъ девизъ— «тѣмъ лучше, тѣмъ лучше», и заявляетъ съ чувствомъ самоудовлетворенія: «Поправки, создаваемые самимъ капиталистическимъ развитіемъ, до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная жизнь не сдѣлается сплошь новой»¹⁾. То же суверенное пренебреженіе къ «грубому» эмпирическому міру побуждаетъ Бердяева пѣть дифирамбы сверхчеловѣку Ничше и восхвалять новѣйшія «декадентскія» теченія въ искусствѣ, которыя «выражаютъ необыкновенную душевную утонченность»²⁾.

На этомъ эволюція Н. Бердяева не заканчивается. Черезъ два года въ статьѣ— «Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма» онъ подымается еще на большую трансцендентальную высоту и, соответственно съ этимъ, для него обезцѣниваются не только социалистическія, но и многія общедемократическія цѣнности. Въ этой статьѣ онъ уже опредѣленно становится на точку зрѣнія метафизики и религіи («этическаго пантеизма»): «Метафизика», говоритъ онъ,— «къ которой этика неизбѣжно приводитъ, объединяетъ въ понятіи Верховнаго Блага индивидуальное духовное «я» съ универсальнымъ духовнымъ «я». Что же послѣ этого объединенія стало съ духовнымъ «я» Н. Бердяева? Оно прежде всего обрушивается на эвдемонизмъ, на «погоню за счастьемъ»: «Нравственность», говоритъ Н. Бердяевъ, «нельзя выводить изъ такихъ не этическихъ понятій, какъ удовольствіе или счастье; само счастье подлежитъ *нравственному* суду». Это одинаково относится, какъ къ эгоизму, такъ и къ «общественному, альтруистическому утилитаризму»: «если постыдно для человѣка посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствію, то не менѣе постыдно обратить себя въ орудіе чужого наибольшаго удовольствія». Отсюда выводъ: «нравственная проблема есть прежде всего проблема индивидуалистическая»; «борьба за социальность, т. е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за гуманность». Н. Бердяевъ знаетъ, конечно, какіе практическіе выводы изъ этой индивидуалистической морали дѣлаются въ «эмпирическомъ мірѣ» и заранѣе протестуетъ противъ нихъ: «я хотѣлъ бы, чтобы было наложено клеймо позора на тѣхъ, которые нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе — признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета и эксплуатаціи... съ другой». Тѣмъ не менѣе, вѣрный буржуазный инстинктъ подсказываетъ ему, что юридическія *гарантіи* нужны не для «социальности», а лишь для «гуманности»: «Мы отрицаемъ», говоритъ онъ, «этико-правовой принципъ народнаго суверенитета и противоплагаемъ ему принципъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ»³⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 50, 257, 260, 261.

²⁾ Ibid., стр. 170.

³⁾ См. Н. Бердяевъ. «Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма». Сборникъ: «Проблемы идеализма», стр. 100, 102, 107, 113.

Въ нѣсколько другой вариации ту же эволюцію велѣдъ за П. Струве и Н. Бердяевымъ продѣлалъ С. Булгаковъ. Въ своей статьѣ—«Основныя проблемы теории прогресса» онъ начинается съ того, что религія и метафизика призваны *дополнить* наше ограниченное точное знаніе, ибо у человѣка есть врожденное стремленіе «выйти за предѣлы своего я», «стремленіе къ недосыгаемому совершенству»; но тутъ же, на глазахъ читателя, онъ расширяетъ компетенцію религіи и метафизики, пытаясь при ихъ помощи *вытѣснить* науку изъ области ею уже завоеванной, именно изъ области историческаго прогресса, законы котораго «претендовалъ» дать Марксъ. Это представляется необходимымъ, во-первыхъ, потому, что Риккертъ «совершенно неопровержимо» доказалъ невозможность историческихъ предсказаній, во 2-хъ, потому, что вѣдѣніе будущаго «обезвкусило бы жизнь и особенно будущее, которое теперь невозвратно можетъ заполнять фантазія». Избавившись такимъ способомъ отъ неприятной «исторической необходимости», С. Булгаковъ начинаетъ заполнять будущее тѣмъ содержаниемъ, которое ему представляется привлекательнымъ. Для этого онъ, подобно Бердяеву, обрушивается на социальный эвдемонизмъ, считающій цѣлью прогресса «возможно большій ростъ счастья возможно большаго числа лицъ», какъ на теорію «вполнѣ буржуазную», «грозящую обратить человѣчество въ животное состояніе», и противопоставляетъ ей философію, доказывающую «внутреннее безсиліе зла, его призрачность, его—страшно сказать—конечную разумность». Въ заключеніе онъ предсказываетъ, что религія займетъ въ жизни «подобающее ей центральное мѣсто» и что уже теперь наше участіе въ социальной борьбѣ должно мотивироваться «не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а... велѣніемъ Бога»¹⁾.

Таковъ финалъ эволюціи П. Струве и его единомышленниковъ. Объективно весь этотъ эпизодъ въ исторіи русскаго марксизма означалъ первое выступленіе *новой формаціи буржуазнаго либерализма*, приспособлявшагося къ развитымъ капиталистическимъ отношеніямъ и къ постепенному политическому раскрѣпощенію страны безъ революціонныхъ потрясеній и безъ героическихъ усилій демократіи, приспособлявшагося, словомъ, къ тѣмъ перспективамъ, которыя строили большинство девяностыхъ. Необходимость полной экономической и политической европеизаціи Россіи—таковъ былъ исходный пунктъ этого новаго либеральнаго движенія. Благодаря этому, оно могло извѣстное время идти рука объ руку съ соц.-демократіей, благодаря этому же новая либеральная формація во многихъ отношеніяхъ оказалась радикальнѣе предыдущаго поколѣнія народническихъ либераловъ даже въ концѣ своей эволюціи. Но именно потому, что она твердо стала на точку зрѣнія европейскую и что она чувствовала себя какъ бы одной ногой уже на европейской почвѣ, она съ первыхъ же шаговъ запаслась тѣмъ духовнымъ оружіемъ, которымъ западно-европейская буржуазія давно пользовалась уже въ борьбѣ съ пролетаріатомъ—философскимъ идеализмомъ со всѣми его современными спутниками: индивидуализмомъ, мистикой, декадентствомъ. Она торопливо запаслась оружіемъ, въ которомъ прежнее либеральное поколѣніе, не вѣрившее въ русское рабочее движеніе и потому не за-

¹⁾ См. С. Булгаковъ. „Основныя проблемы теории прогресса“. Сборникъ: „Проблемы идеализма“, стр. 5, 11, 12, 14, 22, 23, 34, 46.

думывавшееся еще надъ классовымъ антагонизмомъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, не чувствовало еще никакой потребности. Не представляя себѣ ясно того широкаго демократическаго размаха, который должна принять русская революція для того, чтобы справиться съ старымъ порядкомъ, Струве и его единомышленники стали оттачивать это оружіе субъективно *заблаговременно*, а съ точки зрѣнія объективныхъ интересовъ буржуазіи *преждевременно* не только противъ пролетаріата, но и противъ демократіи вообще, мечтая, что вся русская демократія въ освободительную эпоху пойдетъ покорно на поводу у модернизированнаго либерализма. Скоро обнаружилось, что это была иллюзія. Такимъ образомъ, поворотъ отъ матеріализма къ идеализму, вытекавшій изъ неизбежнаго процесса самоопредѣленія буржуазіи, придалъ этому самоопредѣленію характеръ реакціонный даже съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ буржуазіи. *Въ этомъ отношеніи* новая либеральная формація сдѣлала значительный шагъ назадъ даже по сравненію съ невиннымъ либерализмомъ стараго поколѣнія. Слишкомъ уже эти люди торопились усвоить «цѣльное» міровоззрѣніе современнаго западноевропейскаго буржуа, усивъши основательно забыть мѹки родовъ европейской свободы.

Въ современную историческую эпоху буржуазная интеллигенція можетъ еще участвовать въ революціи или подъ чужимъ, социалистическимъ, флагомъ, или, поскольку она чувствуетъ, что это отрываетъ отъ нея массу буржуазныхъ обывателей,—безъ теоретическаго знамени, эмпирически, подчиняясь властнымъ запросамъ момента. Поэтому, какъ только П. Струве и его единомышленники попытались найти высшее философское оправданіе для своего перехода въ буржуазный лагерь, они роковымъ образомъ стали ковать оружіе противъ революціи и противъ демократіи. Поэтому же, когда въ Россіи запахло революціей, П. Струве, обладавшій болѣе тонкимъ политическимъ обоняніемъ, чѣмъ его единомышленники, забросилъ на время свою идеалистическую метафизику. Характерно, что въ 1902 г. въ боевомъ сборникѣ «Проблемы идеализма» принимали участіе совращенные Петромъ Струве Булгаковъ, Бердяевъ и К^о, онъ же самъ въ это время думалъ уже больше о земной жизни, объ основаніи «Союза освобожденія» и о совмѣстныхъ съ революціонной социаль-демократіей выступленіяхъ. Поэтому наконецъ, впослѣдствіи, когда революція потерпѣла пораженіе, идеализмъ и метафизика опять выступили на сцену. Такимъ образомъ, «Проблемы идеализма» оказались прелюдией къ настоящей симфоніи, которая была разыграна значительно позже въ пресловутыхъ «Вѣхахъ».

III. Переходное время (1900—1903 г. г.).

Борьба ортодоксальной социаль-демократіи съ „критикой“ Маркса и „экономизмомъ“.
Начало новаго поворота—къ бланкизму.

Легальный марксизмъ 90-хъ г. г., изъ котораго взяли начало, съ одной стороны, «экономизмъ», съ другой—либерализмъ новаго типа, былъ отраженіемъ общаго положенія Россіи въ эти годы—быстраго промышленнаго расцвѣта, сопровождавшагося подъемомъ стачечнаго движенія рабочихъ, съ одной стороны,

и очень медленным пробуждением интеллигенции отъ состоянія апатіи и подавленности, съ другой. Къ началу девятисотыхъ годовъ положеніе круто мѣняется. Съ 1899 г. надвигается промышленный кризисъ, обостряющій чувство недовольства въ рабочихъ массахъ; это даетъ новое направленіе движенію пролетаріата, прошедшаго извѣтную школу въ предыдущій стачечный періодъ, что, въ свою очередь, косвенно отражается на настроеніи интеллигенціи. Среди болѣе чуткой части ея—среди студенчества въ 99 г. начинается массовое движеніе, которое въ 1901 г. принимаетъ острые, революціонныя формы. Все это, въ связи съ начавшейся вновь идейной дифференціаціей въ интеллигенціи, создало, наконецъ, благоприятную почву для той болѣе широкой постановки соц.-демократической работы, къ которой въ 90-хъ г. г. тшетно призывала «Гр. Осв. Труда»—благоприятную почву для пропаганды идей революціоннаго марксизма, для организаціоннаго сплоченія с.-демократіи и для открытія общенациональной политической кампаніи противъ стараго порядка по ея инициативѣ. Учитывая измѣнившееся положеніе вещей, группа соц.-демократовъ, вернувшаяся изъ ссылки (Н. Ленинъ, Л. Мартовъ и Старовѣръ) беретъ на себя инициативу реорганизаціи партіи на новыхъ началахъ. Объединившись для этой цѣли съ «Гр. Осв. Тр.», она приступаетъ въ концѣ 1900 г. къ изданію политической газеты «Искра» и теоретическаго журнала «Заря».

Партію приходилось почти заново строить. Если принять во вниманіе тѣ громадныя и сложныя задачи, которыя передъ ней стояли въ виду явно наступавшаго революціоннаго періода, если принять во вниманіе, что при сравнительной незрѣлости пролетаріата, отвѣтственную роль въ партіи тогда могъ играть только сравнительно тѣсный кругъ профессиональных революціонеровъ изъ интеллигенціи, что стихія буржуазной революціи имѣла всегда тенденцію совлекать партію съ социалистическаго пути, то понятно будетъ, какое исключительно важное значеніе для партіи въ то время долженъ былъ имѣть надежный теоретическій компасъ революціоннаго марксизма. Неудивительно поэтому, что во главу своихъ задачъ организація «Искры» и «Зари» поставила борьбу съ «критикой» Маркса за «ортодоксію», рука объ руку съ международной революціонной соц.-демократіей.

Въ русской соц.-демократіи застрѣльщикомъ въ этой борьбѣ въ доискровскіи еще періодъ былъ Г. В. Плехановъ. Въ своей полемикѣ противъ Бернштейна Г. Плехановъ отмѣтилъ, что «историческій матеріализмъ» составляетъ лишь «часть матеріалистическаго міросозерцанія Маркса—Энгельса» и что именно методъ діалектическаго матеріализма и составляетъ «душу» марксизма. Поэтому, Г. Плехановъ обращалъ всегда особенное вниманіе на пропаганду этого философскаго метода и забилъ тревогу при первыхъ же попыткахъ вернуться назадъ отъ матеріализма къ идеализму. Еще въ 92 г., выпуская переводъ книжки Энгельса о Л. Фейербахѣ со своими примѣчаніями, онъ имѣлъ въ виду противодействовать тѣмъ реакціоннымъ идеямъ, которыя начали пропагандироваться на страницахъ русскаго журнала «Вопросы философіи и психологіи» въ противовѣсъ «отрицательному направленію шестидесятыхъ годовъ». Мы отмѣтимъ здѣсь лишь главнѣйшіе моменты въ борьбѣ Г. Плеханова противъ идеалистической реакціи.

Въ указанныхъ «примѣчаніяхъ» къ «Фейербаху» Г. Плехановъ впервые сжато формулируетъ различіе между матеріалистическимъ взглядомъ на объективный внѣшній міръ и идеалистическимъ взглядомъ Канта. «Ощущенія, а, следовательно, и образы предметовъ», говоритъ онъ, «есть равнодѣйствующая двухъ силъ: свойствъ предметовъ, производящихъ на насъ извѣстное впечатлѣніе, и свойствъ того пріемника, который получаетъ эти впечатлѣнія». По этому одному уже ощущеніе не можетъ быть то же самое, что вызывающій его предметъ: ощущеніе звука не тождественно съ вызвавшимъ его движеніемъ воздушныхъ волнъ. Но «пусть наши впечатлѣнія... будутъ лишь условными знаками,—во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Поэтому невѣрно, что «формы нашего мышленія», какъ причинность, пространство, время, суть *только* «апріорныя формы», несвойственныя самимъ предметамъ. Неправъ, поэтому, Кантъ, утверждая, что мы не можемъ познать «вещь въ себѣ»: «я знаю, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя ея свойства, именно тѣ, черезъ посредство которыхъ я заставляю ее дѣйствовать». Въ этихъ же «примѣчаніяхъ» Г. Плехановъ противопоставляетъ матеріалистическій взглядъ на «идеалы» кантіанскому категорическому императиву. По поводу идеаловъ послѣдняго рода Энгельсъ писалъ: «Идеаль, отвѣчаетъ филістеръ, это цѣль, къ которой мы нравственно обязаны стремиться, но которая стоитъ такъ высоко, что мы никогда ея не достигнемъ». Матеріализму совершенно чуждо это оправданіе двойной морали. Но какъ же, спросятъ, Энгельсъ со своей матеріалистической точки зрѣнія можетъ примирить свои объективные идеалы съ объективной необходимостью? Какъ онъ можетъ осуществлять свою свободу въ царствѣ необходимости? «Съ объективной стороны», отвѣчаетъ Г. Плехановъ, «положеніе Энгельса представляется такъ: въ процессѣ перехода изъ одной своей формы въ другую дѣйствительность захватила его, какъ одно изъ необходимыхъ орудій предстоящаго переворота. Съ субъективной стороны выходитъ, что Энгельсу пріятно это участіе въ историческомъ движеніи, что онъ считаетъ его своимъ долгомъ»¹).

Въ 98 г., когда Бернштейнъ, подъ вліяніемъ Коврада Шмидта, сталъ призывать «назадъ къ Канту», Г. Плехановъ снова возвращается къ этимъ вопросамъ и вступаетъ на страницахъ «*Neue Zeit*» въ философскую полемику съ тѣмъ и другимъ. Въ статьѣ «Бернштейнъ и матеріализмъ» онъ, борясь противъ вульгарнаго пониманія матеріализма, которымъ многіе обязаны были сознательному извращенію взглядовъ матеріалистовъ XVIII в. современной буржуазной наукой, доказываетъ, что «матеріалистическая философія Фейербаха была, какъ и философія Дидро, лишь родомъ спинозизма», что такимъ же родомъ спинозизма является философія Маркса и Энгельса. Въ отличіе отъ дѣйствительно вульгарныхъ матеріалистовъ всѣ эти философы не сводили мышленіе къ движенію матеріи, не отождествляли его съ послѣднимъ, а согласно со Спинозой полагали, что мышленіе и протяженіе суть два атрибута одной и той же субстанции. Этому какъ бы противорѣчитъ положеніе Энгельса, что «мышленіе происходитъ изъ бытія». Но то «мышленіе», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть

¹) Ф. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ. Переводъ Г. В. Плеханова съ примѣчаніями переводчика. 1892 г. стр. 96, 98, 99, 101, 103.

человѣческое сознание, т. е. высшая форма «мышленія» и предпосылка бытія этому мышленію ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ «одушевленности матеріи»¹⁾. Въ полемическихъ статьяхъ противъ Конрада Шмидта, Г. Плехановъ реставрируетъ истинные взгляды Канта, искаженные его же современными учениками, и вскрываетъ то основное противорѣчіе, изъ котораго дуалистъ Кантъ не въ силахъ былъ выпутаться. Въ первомъ изданіи «Критики чистаго разума», говоритъ Г. Плехановъ, Кантъ смотрѣлъ на «вещь въ себѣ» лишь какъ на «предѣльное понятіе», которому ничего не соответствуетъ внѣ нашего сознанія, и стоялъ, такимъ образомъ, на точкѣ зрѣнія «скептическаго идеализма». Но, дѣлая уступки реалистической критикѣ его взглядовъ, онъ впоследствии въ «Пролегоменахъ» и во 2-мъ изданіи «Критики чистаго разума» начинаетъ признавать реальное существованіе «вещи въ себѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ отгораживаться отъ идеалистовъ. Однако, сдѣлавши этотъ шагъ впередъ, онъ очутился въ безвыходномъ противорѣчьи съ самимъ собой, на что указывали въ свое время Якоби и другіе: съ одной стороны, его «вещь въ себѣ» дѣйствуетъ на наши чувства *во времени* и является *причиной* нашихъ ощущеній; съ другой стороны, по его мнѣнію, категоріи времени, пространства и причинности присущи *только* нашему сознанію и не свойственны безформенному внѣшнему міру нуменовъ, «вещей въ себѣ». Изъ этого противорѣчія возможны были лишь два выхода—либо къ матеріализму, либо къ субъективному идеализму. По второму пути пошелъ Фихте. Но этотъ путь ведетъ къ абсурду: если «истинное и дѣйствительное бытіе духовно», то всѣ люди представляютъ собой «только видоизмѣненіе моего сознанія» и тогда «моя мать... какъ явленіе ...существуетъ только во мнѣ». Правда, Фихте протестовалъ противъ этого логическаго вывода изъ его взглядовъ, какъ противъ эгонистическаго, и поэтому объяснялъ, что его «я» не индивидуальное, а міровое, абсолютное «я». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы «вывести» существованіе людей, Фихте дѣлаетъ ихъ бытіе *моральнымъ постулатомъ*. Но это значитъ не преодолѣть препятствіе, а обойти его». Кантъ не хотѣлъ, чтобы его взгляды толковались въ смыслѣ фихтианскомъ. Что же мѣшало ему рѣшительно порвать съ идеализмомъ? На это онъ самъ ясно отвѣтилъ въ предисловіи ко второму изданію «Критики чистаго разума»: «Я не могу даже предположить Бога, свободу и безсмертіе, которые необходимы для практическихъ цѣлей моего разума, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не *лишить* спекулятивный разумъ его чрезмѣрнаго притязанія на проникаемость... Я долженъ былъ, стало быть, уничтожить знаніе для того, чтобы очистить мѣсто вѣрѣ»²⁾. Вотъ въ чемъ истинная подвладка современнаго идеализма.

Параллельно съ защитой матеріализма Г. Плехановъ отстаивалъ другой элементъ философіи Маркса—гегелевскую діалектику, которую «критики» тоже сознательно или безсознательно искажали, чтобы тѣмъ легче ее опровергнуть. Я укажу здѣсь лишь на два обвиненія, выдвинутыя противъ діалектики Эд.

¹⁾ См. Бельтовъ. Бернштейнъ и матеріализмъ. „Критика нашихъ критиковъ“. стр. 159, 160, 165.

²⁾ См. Н. Бельтовъ—*ibid.* Конрадъ Шмидтъ противъ К. Маркса и Фр. Энгельса стр. 173.; Матеріализмъ или кантіанизмъ? стр. 193, 194, 201.

Бернштейномъ и П. Струве, которыя, хотя взаимно исключали другъ друга, но преслѣдовали одну и ту же цѣль. Несостоятельность обоихъ этихъ обвиненій Г. Плехановъ доказалъ въ своихъ статьяхъ въ «Зарѣ».

Эд. Бернштейнъ, не понимая, что съ точки зрѣнія діалектической *быстрота* реального отрицанія одной общественной формы другой зависитъ отъ *конкретныхъ* условий, что, напротивъ того, «логическій процессъ отрицанія совершается *внѣ времени*», полагалъ, что Марксъ и Энгельсъ, именно благодаря соблазнамъ діалектической логики, представляли себѣ слишкомъ быстрымъ темпъ общественнаго развитія. Поэтому онъ обвинялъ Гегеля и его учениковъ въ томъ, что они видѣли только процессъ непрерывнаго измѣненія вещей, въ которомъ они растворяли безъ остатка самыя вещи, что они «пренебрежительно относились къ точно опредѣленнымъ понятіямъ, считая ихъ *метафизикой*». Возражая Бернштейну, Г. Плехановъ показываетъ, что «Гегель не только не игнорируетъ правъ *разсудка* (а, следовательно, и точно опредѣленныхъ понятій), но энергично отстаиваетъ его права даже въ такихъ областяхъ, казалось бы, далекихъ отъ «разсудочности», какъ... искусство». «Удачное художественное произведеніе предполагаетъ», напр., по Гегелю, «рядъ точно опредѣленныхъ характеровъ». По Гегелю, такимъ образомъ, необходимо отдавать должное и (діалектическому) *разуму*, и *разсудку*. П. Струве, въ противоположность Бернштейну, но изъ той же боязни «скачковъ» въ общественномъ развитіи, которыхъ «не терпитъ нашъ интеллектъ», обвиняетъ діалектику въ томъ, что она противорѣчитъ логическому «закону непрерывности», закону непрерывности измѣненій. На это Г. Плехановъ возражаетъ: не говоря о томъ, что исторія природы и общества сплошь и рядомъ дѣлала и дѣлаетъ скачки, хотя «интеллектъ Струве скачковъ не терпитъ», все это обвиненіе возникло изъ непониманія смысла закона непрерывности, установленнаго еще до Канта Лейбницемъ. Этотъ законъ имѣетъ въ виду исключительно количественныя измѣненія однородной субстанціи. Онъ не касается *сложныхъ* явленій измѣненія *отношенія* между частями субстанціи. Поэтому, онъ самъ по себѣ не въ состояніи объяснить ни возникновенія явленія, ни его исчезновенія, ни перехода количества въ качество, ни столкновенія между содержаніемъ и формой, а между тѣмъ всякое общество есть именно сложный комплексъ, а не «однородная субстанція». Оба обвиненія противъ діалектики, такимъ образомъ, вытекаютъ изъ ея непониманія. Для діалектика всякій, забывающій о правахъ «разума», есть *метафизикъ*, всякій, упускающій изъ виду права «разсудка», есть *скептикъ* .)

Той же защитѣ философіи марксизма отъ идеалистической «критики» посвященъ былъ рядъ статей Вѣры Засуличъ и Ортодоксъ (Л. Айсельродъ), помѣщенныхъ въ «Зарѣ» и направленныхъ противъ философскихъ упражненій П. Струве и Н. Бердяева и противъ сборника «Проблемы идеализма».

Ортодоксъ отмѣчаетъ, что наши идеалисты, отвергнувъ единственный критерій объективной истины—ея соотвѣтствіе внѣшней дѣйствительности, пытались замѣнить его другими негодными суррогатами, вродѣ «прочности, повто-

1) „Заря“ № 2—3, стр. 209, 210, 211, 217, а также „Критика нашихъ критиковъ“ „Заря“ № 4, стр. 1—12.

ряемости представлений», общепризнанности ихъ и т. п. Что говорятъ эти критеріи сами по себѣ? У всѣхъ «нормально организованныхъ» людей существуетъ представленіе о деревѣ. Но вопросъ въ томъ, «въ какомъ мѣстѣ и въ какое время должно совпадать это представленіе у всѣхъ людей». А что доказываетъ «прочность» и «постоянство» представлений? Ничто, какъ извѣстно, не бываетъ такъ прочно, какъ заблужденія. Очевидно, все это лишь *«условія критеріи научнаго опыта, но не базисъ его»*. Наши идеалисты, отвергая этотъ базисъ—«реальный міръ внѣшнихъ вещей»—и отрывая свободу отъ необходимости, тѣмъ самымъ фаталистически преклоняются передъ «естественнымъ ходомъ вещей», отражая «болѣзнь воли», которой страдаетъ современная разслабленная и развинченная буржуазная интеллигенція. Впрочемъ, они отвергаютъ законы исторической необходимости и возможность историческихъ предсказаній только тогда, когда эти предсказанія неблагоприятны для буржуазіи. Тотъ же Струве, напр., не отказывается «предсказывать» неизбежность притупленія классовыхъ противорѣчій въ будущемъ и доказывать невозможность въ будущемъ соціальной революціи. Той же неискренностью и непоследовательностью отличаются ихъ этическихъ теоріи: нападая на эвдемонизмъ во имя высшаго нравственнаго блага, они одновременно защищаютъ «діонисово начало жизни», т. е. тотъ же эвдемонизмъ, но въ самой грубой эгоистической его формѣ¹⁾.

Свое отступленіе отъ социалистической идеологіи къ буржуазной наши идеалисты прикрывали контръ-обвиненіемъ современнаго пролетаріата и его коммунистическаго идеала въ «буржуазности» и «мѣщанствѣ». Противъ этого обвиненія выступила въ «Зарѣ» Вѣра Засуличъ, объясняя попутно его психологическую подкладку. «Въ сознаніи вѣрующихъ», говоритъ она, «старый Богъ существовалъ не потому, что былъ нуженъ. Наоборотъ, онъ потому только и могъ удовлетворять—посредствомъ загробнаго рая—потребность въ надеждѣ на лучшее будущее..., что его существованіе было внѣ всякаго сомнѣнія».... Для чего же Струве и Бердяевъ «придумали» Бога, не будучи убѣжденными въ его существованіи? «Для спасенія отъ пессимизма ему (Струве) нужно чтобы въ капиталистической лавкѣ невидимо присутствовалъ Богъ и направлялъ торговлю въ сторону идеала». Когда Бердяевъ старался согласить Канта съ Марксомъ, онъ, правда, уже отбросилъ революціонный социализмъ и проповѣдывалъ теорію «штопанія», но все же въ то время Кантъ нуженъ былъ ему еще, «чтобы знать объективно, навѣрняка, почему именно демократическій идеалъ выше буржуазнаго, почему лучше, чтобы сердце пріятно билось (оно и такъ бьется, но г. Бердяеву нужно знать, почему это лучше) при словахъ—справедливость и благо народа, чѣмъ при словахъ—кнутъ и обузданіе». Но г. Струве указалъ ему на послѣдствія «привлеченія Канта». «Расхваливъ г. Бердяева... за «душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ», онъ взялъ да и прихлопнулъ съ одного удара всю его «вѣру». «Подчеркнувъ, что съ ихъ общей внѣклассовой... точки зрѣнія въ психологіи оппозиціоннаго класса *лишь эмпирически случайно...* могутъ встрѣтиться пред-

¹⁾ См. Ортодоксъ. «О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ». «Заря» № 4, стр. 48, 50, 52, 61, 63. См. ея же. «Почему мы не хотимъ идти назадъ». «Заря» № 2—3 и ея же, О «проблемахъ идеализма».

посылки нахождения истины», «г. Струве сообщил г. Бердяеву неприятную вѣсть», что именно въ настоящую эпоху «этой счастливой случайности не случилось», ибо пролетаріатъ оказался «глубоко проникнутымъ моральной буржуазностью». Почему же это такъ случилось? Потому, говорятъ Струве и иже съ нимъ, что въ капиталистическомъ мірѣ царитъ мѣщанство, «культъ довольства», которому поклоняется пролетаріатъ одинаково съ буржуазіей. Это не вѣрно, возражаетъ В. Засуличъ: въ капиталистическомъ мірѣ у буржуазіи царитъ не столько «культъ довольства», сколько «культъ наживы»; въ пролетаріатѣ же капиталистическій строй вырабатываетъ совершенно иную психологию — «солидарности». Когда марксисты спорили съ народниками, послѣдніе указывали, что психологія нашего крестьянина отражаетъ непосредственныя условія его разнообразнаго труда въ натуральномъ хозяйствѣ, что психологія пролетаріата тоже соотвѣтственно должна отражать лишь то, что онъ есть «придатокъ къ машинѣ». Но это перенесеніе непосредственной связи между психологіей и характеромъ производительнаго труда съ натурального быта на сложное капиталистическое общество, раздѣленное на классы, совершенно неосновательно. Еслибъ это было вѣрно, то «пролетарій оказался бы тупѣе не то, что крестьянина», а всякаго животнаго, самостоятельно добывающаго себѣ пищу. Но въ томъ-то и дѣло, что, въ отличіе отъ крестьянина, пролетарій «связанъ съ работой только тѣломъ». Это же относится и къ будущему социалистическому строю. Утописты, прельщая высшіе классы социализмомъ, обѣщали превращеніе труда въ наслажденіе. Основатели научнаго социализма въ противоположность имъ утверждали, что всестороннее развитіе личности возможно лишь «за предѣлами труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей». Вотъ почему неосновательны предсказанія идеалистовъ. Они съ своей глубоко «аристократической», ничшеанской точки зрѣнія опасаются, что «люди превратятся въ свиней, если начнутъ ѣсть досыта». «Это такъ же вѣроятно, какъ то, чтобы выпущенная изъ кѣтки птица вдругъ... превратилась въ лягушку»¹⁾.

Возвратъ къ идеализму нуженъ былъ «критикамъ» Маркса для того, чтобы облегчить себѣ борьбу съ его теоріей социальнаго развитія. Противъ этой Марксовой теоріи выступилъ Струве въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv'ѣ. Въ защиту ея отъ нападокъ П. Струве, Г. Плехановъ помѣстилъ рядъ статей въ «Зарѣ» подъ заглавіемъ «Критика нашихъ критиковъ». Чтобы облегчить себѣ задачу «критики», П. Струве предварительно искажаетъ Маркса. Поднявши противорѣчіе между производительными силами и имущественными отношеніями, о которомъ говорилъ Марксъ, противорѣчіемъ между «хозяйствомъ и правомъ», онъ вслѣдъ за Штамлеромъ доказываетъ, что это противорѣчіе легко разрѣшается постепеннымъ приспособленіемъ «права» къ «хозяйству». Г. Плехановъ, разоблачивши эту подтасовку понятій, попутно разъясняетъ точный смыслъ указаннаго выше основнаго положенія Марксовой социальной теоріи. Марксъ, говоритъ Г. Плехановъ, употребляетъ часто въ одномъ смыслѣ два понятія—

¹⁾ См. В. Засуличъ. „Элементы идеализма въ социализмѣ“. „Заря“ № 2—3, стр. 307, 308, 311, 312. „Заря“ № 4, стр. 76, 77, 79, 80, 84.

«имущественныя отношенія» и «производственныя отношенія», но на языкѣ Маркса «производственныя отношенія» есть понятіе болѣе широкое, чѣмъ «имущественныя отношенія». Первое понятіе включаетъ въ себѣ и такія категоріи, какъ «капиталь», «прибавочная стоимость» и т. п., и такія, какъ «организація труда» въ фабричной мастерской или мануфактурѣ, которая вовсе не является «имущественнымъ отношеніемъ». Только послѣдняго рода производственныя отношенія (организація труда въ мастерской) могутъ развиваться параллельно съ производительными силами; имущественныя же отношенія неизбежно раньше или позже вступаютъ въ конфликтъ съ производительными силами, въ результатѣ котораго имущественныя отношенія падаютъ вмѣстѣ со своей идеологической надстройкой—съ господствующей правовой системой. Что касается этой «надстройки»—правовой системы—то она, конечно, постоянно приспособляется къ своему «базису», къ «хозяйству», въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но, чтобы опровергнуть Маркса, нужно было бы доказать другое—что именно современныя капиталистическія имущественныя отношенія постепенно и исподволь приспособляются къ росту производительныхъ силъ, что они «соціализируются», что социальная пропасть между пролетаріатомъ и буржуазіей постепенно заполняется. П. Струве и Эд. Бернштейнъ и это пытались доказать. Но и тутъ они для облегченія своей задачи предварительно приписали Марксу то, чего онъ не утверждалъ—теорію абсолютнаго обнищанія пролетаріата. Отмѣтивши это новое искаженіе Маркса, Г. Плехановъ, на основаніи анализа цифровыхъ данныхъ, смыслъ которыхъ обычно искусно маскируется извѣстными статистическими приемами, показываетъ, что во веѣхъ капиталистическихъ странахъ, согласно утвержденію Маркса, наблюдается *относительное* обнищаніе пролетаріата, постепенное уменьшеніе его доли въ національномъ доходѣ, что неизбежно должно привести къ росту его возмущенія ¹⁾. Той же защитѣ социальнo-экономической теоріи Маркса отъ ревизионистской «критики» посвящены—статья Ленина въ № 2—3 «Зари» (по вопросу аграрному) и статья Карелина (В. Засуличъ) въ № 10 и № 11 «Научнаго Обзорѣнія» 1900 г. (противъ «исправленій» марксової теоріи стоимости). Подводя итогъ «ревизіи» ученія Маркса, которую предпринялъ П. Струве и К^о, Г. Плехановъ говоритъ: «Въ результатѣ ихъ «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, давая «положительное объясненіе» капитализму, отказывается объяснить его «неизбѣжное паденіе»... Такимъ образомъ, нашъ «нео-марксизмъ» является самымъ надежнымъ оружіемъ русской буржуазіи въ борьбѣ ея за духовное господство въ нашей странѣ» ²⁾.

Идейная борьба русскихъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ противъ Струве и его единомышленниковъ и по времени, и по содержанію совпадала съ борьбой международной революціонной соц.-демократіи съ бернштейнианствомъ. Но редакціи «Зари» и «Искры», для огражденія политической самостоятельности пролетаріата, приходилось вести борьбу, не только обусловленную общеевропей-

¹⁾ См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Г. П. Струве въ роли критика Марксової теоріи социальнаго развитія“. „Заря“ № 1, стр. 87, 88, 96, 104. „Заря“ № 2—3, продолженіе.

²⁾ См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Заря“ № 4.

скимъ такъ наз. «кризисомъ марксизма», но и специально русскими условіями. Ей приходилось бороться, съ одной стороны, съ «экономизмомъ», который, впрочемъ, быстро терялъ почву подъ ногами, по мѣрѣ роста политическаго возбужденія въ странѣ, съ другой,—съ революціоннымъ народничествомъ, которое столь же быстро возрождалось въ связи съ политическимъ оживленіемъ среди интеллигенціи, подкрѣпляя свои устарѣлые теоретическіе аргументы новыми, взятыми изъ арсенала «критиковъ» Маркса.

Характеристику взглядовъ этого «подновленнаго» народничества далъ Старовѣръ въ «Зарѣ» ¹⁾. Критикѣ этихъ же взглядовъ посвящено было нѣсколько фельетоновъ Г. Плеханова подъ заглавіемъ «Пролетаріатъ и крестьянство» и много др. статей въ «Искрѣ». Дѣло, однако, было въ то время не въ электической народнической *теоріи*, отъ отдѣльныхъ частей которой не оставила камня на камнѣ критика марксистовъ, раньше въ борьбѣ съ Михайловскимъ, В. В. и К^о, а потомъ—съ бернштейнѣйцами. Дѣло было въ террористической практикѣ, которая, послѣ выстрѣловъ Карповича, Балмашова и Леккерта, привлекала къ себѣ симпатіи, отвлекая социалистическіе элементы отъ трудной и сложной работы надъ сплочиваніемъ рабочей партіи. Противъ этихъ-то террористическихъ увлеченій открыла систематическій походъ «Искра».

Что касается «экономизма», то, хотя онъ въ то время естественно вымиралъ, его критика имѣла еще тогда гораздо большее принципиальное значеніе для соц.-демократіи. Это выяснилъ П. Аксельродъ, который далъ исчерпывающую критику «экономизма» уже въ самый моментъ его зарожденія, въ 96 г., въ «Послѣсловіи» къ брошюрѣ «Объ агитаціи», и затѣмъ въ 97 г., въ письмахъ о тактикѣ. Въ своемъ «Послѣсловіи» П. Аксельродъ отмѣтилъ родственность тактики «экономизма» съ *бунтарской* тактикой бакунистовъ и общій ихъ источникъ—элементарность политическаго мышленія и «игнорированіе историческаго движенія буржуазнаго общества и взаимныхъ отношеній составныхъ элементовъ господствующихъ классовъ». Въ своихъ письмахъ о тактикѣ П. Аксельродъ говорилъ по поводу распространявшагося уже тогда быстро «экономизма», что ему представляются двѣ возможные перспективы: «Либо рабочія массы не играютъ въ освободительномъ движеніи самостоятельной революціонной роли, идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а чужимъ. Либо же соц.-демократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью привлекая въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи» ²⁾. Отмѣченное давно П. Аксельродомъ сродство между «экономизмомъ» и бунтарствомъ въ разсматриваемый періодъ очень скоро обнаружилось, когда Б. Кричевскій, защищавшій въ «Рабочемъ Дѣлѣ» «тактику—прогрессъ» и «теорію стадій», предложилъ вкорѣ послѣ этого «въ 24 часа переимѣнить тактику» и

¹⁾ См. ст. Современная весталка. „Заря“ № 2—3.

²⁾ См. „Объ агитаціи“. Послѣсловіе П. Аксельрода 1896 г., стр. 35, 36, 43 и П. Аксельродъ. „Къ вопросу о соврем. задачахъ и тактикѣ рус. соц.-демократовъ“, стр. 19, 20.

«строиться въ штурмовыя колонны». Поэтому «Искра», начавъ борьбу съ постепеновщиной «экономистовъ», скоро должна была признать ихъ основнымъ грѣхомъ—«преклоненіе передъ стихійностью». Что касается извѣстныхъ «двухъ перспективъ» П. Аксельрода, то ихъ правильность ярко подтвердилась въ мартовскіе дни 1901 г., когда рабочіе боролись подъ руководствомъ не соц.-демократіи, а студенчества, не взирая на долгую работу соц.-дем. въ рабочей средѣ. Въ разсматриваемый періодъ значеніе этихъ «двухъ перспективъ» настолько хорошо было оцѣнено передовыми соц.-демократами, что именно онѣ то и послужили исходнымъ пунктомъ всей идейной кампаніи, предпринятой «Зарей» и «Искрой», политическій смыслъ которой разъяснили на страницахъ «Зари» Г. Плехановъ въ статьѣ—«Еще разъ социализмъ и политическая борьба» и Л. Мартовъ въ статьѣ—«Всегда въ меньшинствѣ».

Въ переходное время начала движенія девятисотыхъ годовъ русская с.-демократія въ борьбѣ съ разными идейными теченіями воздвигла прочный теоретическій фундаментъ для всей своей будущей дѣятельности. Итоги этой борьбы были закрѣплены программой, выработанной редакціей «Искры» и «Зари» и принятой на съѣздѣ Партіи въ 1903 г. Соц.-демократія «выпрямилась», вернувшись къ традиціямъ «Гр. Осв. Тр.» Однако, вскорѣ намѣтился уже новый, крутой поворотъ съ прямой дороги въ сторону, противоположную повороту 90-хъ годовъ.

Въ апрѣлѣ 1901 г. Старовѣръ, заканчивая свою статью «Что случилось?» говорить: «И пора бы, кажется, современному разночинцу взять опять бразды гегемоніи изъ дряблыхъ рукъ нашей маскированной демократіи... Я сказалъ бы моимъ единомышленникамъ: *выходите и выводите рабочее движеніе на широкій путь политической борьбы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайте своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи*»¹⁾. Эти слова, написанныя подъ впечатлѣніемъ борьбы съ «экономистами» и русскими ревизионистами, показываютъ, что въ то время русскіе революціонные соц.-демократы еще не предвидѣли никакой опасности отъ неизбежнаго, впрочемъ, еще при тогдашнихъ условіяхъ господства революціонной интеллигенціи въ социалистическомъ движеніи. Однако, скоро обнаружилось, что именно стремленіе этой интеллигенціи въ сохраненію своей «общественной личности» представляетъ опасность для руководимаго ею соц.-дем. движенія даже въ томъ случаѣ, когда она исповѣдуетъ искренне принципы революціоннаго марксизма, ибо эта «общественная личность» состоитъ въ слишкомъ близкомъ социальномъ родствѣ съ буржуазной демократіей. Обнаружилось это въ вопросѣ о роли соц.-демократіи въ освободительномъ движеніи.

Мы говорили уже въ первой главѣ, что П. Аксельродъ, формулируя въ 90-хъ гг. тактическія задачи русской соц.-демократіи, исходилъ изъ исторической возможности гегемоніи нашего пролетаріата въ грядущей буржуазной революціи. Эта идея, въ то время не нашедшая себѣ отклика, въ началѣ искровскаго періода, въ началѣ 900-хъ гг., стала центральной идеей русской соц.-демократіи. Этому благоприятствовали условія, при которыхъ начала свою дѣя-

¹⁾ См. Старовѣръ. «Что случилось?» „Заря“ № 1. стр. 73. 74.

тельность группа «Искры» и «Зари». Во 1), незадолго до этого, въ 90-хъ гг., марксизмъ, какъ теорія, уже фактически пріобрѣлъ гегемонію въ идейной жизни передовой интеллигенціи, и начавшаяся въ концѣ 90-хъ гг. «критика марксизма» не успѣла еще уничтожить его обаянія въ этой средѣ. Во 2), въ началѣ 900-хъ гг. соц.-демократія была единственнымъ теченіемъ, которое имѣло прочныя связи въ народныхъ пролетарскихъ массахъ, единственнымъ теченіемъ, создавшимъ уже хотя бы первоначальные элементы большой народной политической партіи. Наконецъ, группа «Искры» уже тѣмъ самымъ, что она первая взяла на себя *иниціативу* систематической обличительной кампаніи противъ абсолютизма, подготавливала почву для революціонной гегемоніи пролетаріата.

Идея, возникшая въ срединѣ 90-хъ гг., начала осуществляться. Но она начала осуществляться при измѣнившихся условіяхъ, которыя неизбежно должны были внести нѣкоторыя важныя измѣненія въ первоначальную перспективу. Когда П. Аксельродъ писалъ въ 90-хъ гг. свои статьи о тактикѣ, марксизмъ только что завершилъ свою побѣдоносную борьбу съ народничествомъ. Когда начала издаваться «Искра», по всей линіи шла «критика Маркса», изъ которой вскорѣ вылупились два новыхъ политическихъ теченія — новая формація буржуазнаго либерализма и новая формація революціоннаго народничества. Будущіе политическіе союзники соц.-демократіи формировались, такимъ образомъ, не независимо отъ нея и рядомъ съ ней, а въ ея нѣдрахъ и въ борьбѣ съ ней, угрожая самому ея существованію. Это обстоятельство вынуждало революціонную соц.-демократію уже съ первыхъ шаговъ вести такую ожесточенную войну за вліяніе, которая угрожала оттѣсненіемъ главной очередной задачи — *совмѣстныхъ* выступленій противъ абсолютизма. Этимъ не исчерпывалась перемѣна обстановки. Когда П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. говорилъ о возможной гегемоніи пролетаріата, онъ рассчитывалъ на затяжную предреволюціонную эпоху, на долгій процессъ политическаго воспитанія рабочихъ, на то, что *сами рабочие*, хотя бы въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, возвысятся постепенно до руководящей роли въ революціи. Когда начала выходить «Искра», политическая атмосфера уже была насыщена революціонными бактеріями, революціонныя событія быстро слѣдовали другъ за другомъ. Соответственно съ этимъ, группа «Искры», приступая спѣшно къ строенію партіи, въ основу ея клала пока по необходимости тѣ элементы, которые скорѣе и легче поддавались теоретическому воспитанію — именно профессиональныхъ революціонеровъ, преимущественно изъ интеллигенціи. *Непосредственно*, такимъ образомъ, тогда подготавливалась еще не гегемонія пролетаріата въ строгомъ смыслѣ слова, а гегемонія соц.-демократіи вообще. Партія строилась на спѣхъ подъ перекрестнымъ огнемъ, какъ бы въ обстановкѣ осажденнаго положенія. Тѣмъ не менѣе «искровцы», благодаря своему идейному багажу, въ теченіе нѣкотораго времени сумѣли устоять противъ вліянія капризныхъ стихій и вести партію по тому курсу, который въ общихъ чертахъ намѣченъ былъ еще «Группой Осв. Тр.»

«Искра» играла роль «колокола»: она будила пролетаріатъ и демократію и революціонизировала умы. Но она дѣлала это въ ясномъ сознаніи тѣхъ препятствій, черезъ которыя невозможно перескочить, которыя должно было на дѣлѣ преодолѣть революціонное развитіе. Несмотря на быстрое нарастаніе боевого на-

стронія среди рабочихъ и интеллигенціи, редакція «Искры» и «Зари» сама устояла и партію удержала отъ террористическихъ и всякаго рода революціонно-авантюристическихъ увлеченій и, насколько это возможно было путемъ одного литературнаго воздѣйствія сверху, содѣйствовала систематическому и планомерному воспитанію *политическаго сознанія* рабочихъ. Во имя этой задачи «Искра» обрушилась на Б. Кричевскаго, который въ статьѣ «Историческій поворотъ» призывалъ немедленно «строиться въ штурмовыя колонны». Во имя нея она подвергала критикѣ Надеждина—редактора «Свободы» и автора «Кануна революціи». Во имя нея же она вела систематическую борьбу съ социалистами-революціонерами, проявлявшими по мѣткому выраженію постоянного сотрудника «Искры», Троцкаго, «нервность вмѣсто тактики и благородство вмѣсто программы». Въ то же время «Искра» стремилась къ тому, чтобы борьба пролетаріата не осталась изолированной. Ни быстрое революціонизированіе рабочихъ, ни зачаточное состояніе и крайняя робость первыхъ выступленій буржуазной оппозиціи, не помѣшали искровцамъ до партійнаго раскола и даже послѣ него до 1904 г. работать надъ привлеченіемъ союзниковъ пролетаріату изъ буржуазныхъ классовъ.

«Рабочая демократія своими политическими требованіями», писалъ Н. Ленинъ въ февралѣ 1902 г., «не принципиально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи... Забываютъ, что интересы самодержавія совпадаютъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и только съ извѣстными интересами имущихъ классовъ и притомъ частью не съ интересами всѣхъ этихъ классовъ вообще, а съ интересами отдѣльныхъ слоевъ ихъ. Интересы другихъ слоевъ буржуазіи, а также болѣе широко понятыя интересы *всей* буржуазіи... необходимо порождаютъ либеральную оппозицію самодержавію... Именно въ силу классовой точки зрѣнія *непозволительно* соц.-демократу оставаться безучастнымъ къ недовольству и протестамъ «Стаховичей»¹⁾.

Исходя изъ этихъ тактическихъ принциповъ, редакція «Искры» и «Зари» первоначально оказывала техническую поддержку разрозненнымъ элементамъ буржуазной оппозиціи и даже готова была предоставлять столбцы своихъ органовъ для обличительныхъ статей буржуазныхъ публицистовъ, и П. Струве дѣйствительно помѣстилъ пару статей въ первыхъ номерахъ «Искры». Изъ этого однако не слѣдуетъ, что редакція «Искры» считала вѣроятнымъ или желательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ революціи, чтобы соц.-демократія оставалась и впередъ *единственнымъ* центромъ освободительнаго движенія, чтобы оппозиціонная буржуазія не сложилась до революціи въ самостоятельную политическую партію.

«Наша партія»... говорилъ Г. Плехановъ въ № 1 «Зари», «возьметъ на себя *иниціативу* борьбы съ абсолютизмомъ, а слѣдовательно и *гегемонію* въ этой борьбѣ... Наша партія сдѣлается центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ котораго будутъ исходить всѣ наиболѣе крупныя революціонныя протесты»²⁾. Но эта перспектива не исключала существованія рядомъ и другого центра тяготѣнія для болѣе умѣренныхъ элементовъ

¹⁾ См. «Искра» № 16. «Политич. агитация и классовая точка зрѣнія».

²⁾ См. Г. Плехановъ. «Еще разъ социализмъ и полит. борьба». «Заря» № 1, стр. 92.

освободительнаго движенія. Поэтому тотъ же Г. Плехановъ, заканчивая въ 1901 г. свою критику П. Струве, говоритъ по его адресу: «Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго» класса»¹⁾.

Такъ же представлялось тогда взаимоотношеніе социальной и либеральной демократіи Л. Мартову. «Для буржуазной интеллигенціи», писалъ онъ, «ея возстаніе противъ «ортодоксіи» представляется шагомъ впередъ по пути прогресса: его ближайшей цѣлью является освобожденіе радикализма отъ тѣхъ революціонныхъ элементовъ социально-политическаго міровоззрѣнія, которые мѣшаютъ усвоенію этого міровоззрѣнія всей массой буржуазнаго общества, стоя такимъ образомъ на пути сплоченія всего этого общества въ политическую силу». «Но для тѣхъ, кто свои надежды на политическій прогрессъ Россіи приурочиваетъ не къ обществу, а главнымъ образомъ къ пролетариату, значеніе этой борьбы представляется въ другомъ свѣтѣ... Съ этой точки зрѣнія атака «критической» интеллигенціи на марксистскую ортодоксію представляется дѣломъ, враждебнымъ революціи», между прочимъ потому, что она можетъ привести къ уtratѣ пролетариатомъ своей революціонной гегемоніи. Изъ этихъ словъ можно было бы вычитать отрицательное отношеніе автора къ самостоятельному политическому сплоченію буржуазіи въ современную эпоху въ какой бы то ни было формѣ. Однако авторъ это рѣшительно отвергаетъ: «Эта идейная борьба», говоритъ онъ, «должна привести къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ элементовъ... Взоръ тѣхъ, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* русскихъ Лафайетовъ и Якоби»²⁾.

Когда гипотеза редакторовъ «Искры» и «Зари» стала осуществляться, осенью 1902 г., когда основанъ былъ самостоятельный либеральный «Союзъ освобожденія», когда вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что его литературный органъ, редактируемый П. Б. Струве, не столько заботился о томъ, чтобы поднять имущую буржуазную оппозицію до уровня демократическихъ задачъ русской революціи, сколько о томъ, чтобы приспособить эти задачи къ политической отсталости и трусости нашего либеральнаго общества, редакція «Искры», подвергая рѣзкой критикѣ эти оппортунистическія тенденціи, въ то же время упорно толкала либераловъ влѣво, выскивая для этой цѣли болѣе жизнеспособные элементы либерализма и ободряя ихъ своей поддержкой. Укажемъ, напр., на статьи Л. Мартова.—«Программа русскихъ либераловъ», Старовѣра.—«Еще нѣсколько словъ о дебутирующихъ либералахъ» и Ленина — «Политическая борьба и политиканство». Авторъ послѣдней статьи, между прочимъ, говоритъ: «Отъ политиканства передовой статьи («Освобожденія». А. М.) съ удовольствіемъ отдыхаешь на дальнѣйшихъ статьяхъ сотрудниковъ: г. Антона Старицкаго и еще

¹⁾ См. Г. Плехановъ. «Критика нашихъ критиковъ». «Заря» № 4 стр. 30

²⁾ См. Л. Мартовъ. «Всегда въ меньшинствѣ». «Заря» № 2—3, стр. 183, 191, 192.

болѣ земскаго гласнаго г. Т... Г. земскій гласный *всецѣло* подтверждаетъ данную нами въ «Искрѣ» оцѣнку программы «Освобожденія». Больше того: его статья доказываетъ не только правильность нашей точки зрѣнія, но цѣлесообразность нашего рѣзкаго изобличенія половинчатости либерализма. Оказывается, что и въ самой земской средѣ есть люди, которымъ претитъ всякое влианіе и которыхъ мы особенно должны стараться поддержать безпощадной критикой этого влианія съ нашей точки зрѣнія» ¹⁾).

Въ общемъ, тактика «Искры» разсматриваемаго періода нашла себѣ правильную оцѣнку въ письмѣ «Рабочаго юга», адресованнаго въ редакцію: «Искра» первая указала намъ, рабочимъ, что мы должны интересоваться не только однимъ рабочимъ движеніемъ, но и жизнью, и движеніемъ всего народа и общества. «Искра» первая высказала вслухъ, что въ революціи въ Россіи примутъ участіе, кромѣ рабочихъ, и крестьяне, и общество. Мы, рабочіе, не можемъ не высказать редакціи сердечную благодарность за то, что она вывела изъ узкаго круга мыслей и понятій насъ... и обратила наше вниманіе на все слои общества, которые, частью, также заинтересованы въ радикальномъ измѣненіи существующаго строя. Этимъ указаніемъ «Искра» разрѣшила сомнѣнія въ возможности революціи и ободрила рабочихъ, которые почувствовали себя и сильнѣе, и не одинокими» ²⁾).

«Ортодоксально марксисткая «Искра» шла по теченію, поскольку оно увлекало страну на путь революціи, *противъ* него, поскольку оно отвлекало социаль-демократію отъ самостоятельной пролетарской политики въ этой революціи. Однако, влианіе самобытной исторической стихіи отсталой Россіи оказалось сильнѣе влианія марксистскихъ идейныхъ традицій, учитывавшихъ опытъ передовыхъ странъ Запада. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», и по ироніи исторіи какъ разъ та борьба за самостоятельность рабочаго движенія и за гегемонію пролетаріата въ революціи, которую вела такъ упорно «Искра», послужила почвой для возникновенія новыхъ тенденцій къ растворенію классовыхъ задачъ соц.-демократіи въ демократическихъ задачахъ революціи, къ ущербу тѣхъ и другихъ. Эти новыя тенденціи возникли, благодаря отмѣченнымъ выше особеннымъ условіямъ, при которыхъ складывалась организація «Искры» и, прежде всего, благодаря «общественной личности» профессиональныхъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, господствовавшихъ въ создаваемой «Искрой» партіи, благодаря той самой «общественной личности», о которой писалъ Старовѣръ въ своей статьѣ «Что случилось?». Наиболѣе типичнымъ выразителемъ этой «общественной личности» русскаго революціоннаго разночинца былъ Ленинъ, и потому въ его произведеніяхъ искровскаго періода сравнительно очень скоро въ идею гегемоніи пролетаріата стало владываться принципиально новое содержаніе.

Послѣ партійнаго раскола 1903 г. Н. Ленинъ писалъ: «Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознававшего свои классовые интересы, это и есть революціонный соц.-демократъ» ³⁾. Это якобинское толкованіе марксизма проходило уже красной нитью черезъ всю брошюру Ленина

¹⁾ См. «Искра» № №: 23, 1 авг. 1901 г.; 24, 1 сент. 1902 г. и 26-ой, 15 окт.

²⁾ См. «Бесѣда по поводу писемъ читателей». «Искра» № 14.

³⁾ См. Ленинъ. «Шагъ впередъ, два шага назадъ», ст. 140.

«Что дѣлать?», написанную имъ еще въ началѣ 1902 г. и вскорѣ приобрѣвшую огромное вліяніе на всѣхъ рядовыхъ работниковъ русской соц.-демократіи. Если тѣмъ не менѣе брошюра «Что дѣлать?», при самомъ своемъ появленіи, не вызвала сомнѣній и опасеній среди товарищей Ленина по редакціи, оставшихся вѣрными русскимъ марксистскимъ традиціямъ, то это можно объяснить только тѣмъ, что звучащія въ ней «самобытныя» ткачевскія ноты объяснялись ими въ то время полемическимъ увлеченіемъ въ борьбѣ съ тагъ наз. «экономизмомъ». И самъ Ленинъ, впрочемъ, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ «переворотѣ», который онъ совершалъ, ибо онъ на Лондонскомъ съѣздѣ партіи 1903 г., защищаясь противъ нападокъ на «Что дѣлать?», заявилъ, что онъ вынужденъ былъ въ борьбѣ съ «экономистами» въ брошюрѣ «перегибать лукъ въ другую сторону».

Дальнѣйшее развитіе соц.-демократіи показало, однако, что дѣло тутъ было не въ полемическихъ увлеченіяхъ. Н. Ленинъ противъ практики «экономистовъ», принижавшихъ роль сознанія въ движеніи и приспособлявшихся къ отсталымъ слоямъ пролетаріата, выдвинулъ въ «Что дѣлать?» цѣлую новую теорію, которая, до извѣстной степени, реставрировала народническій взглядъ на роль личности въ исторіи: «О самостоятельно самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи», писалъ онъ; у рабочихъ «и быть не могло сознанія *непримиримой противоположности* ихъ интересовъ всему современному... строю», «теоретическое ученіе соц.-демократіи возникло *совершенно независимо* отъ стихійнаго роста рабочаго движенія»; «соц.-демократическое сознаніе могло быть внесено *только* *изъ-внѣ* у насъ, какъ и на Западѣ, въ рабочую среду; рабочій классъ стихійно стремится лишь «къ трѣдъ-юніонизму»; задача соц.-демократіи заключается въ томъ, чтобы «совлечь» пролетаріатъ съ этого пути, по которому онъ стихійно идетъ и т. д. ¹⁾. Эта теорія, какъ это часто бываетъ, возводила фактъ въ принципъ, возводила временное фактическое господство революц. интеллигенціи въ соц.-демократическомъ движеніи въ общій непререкаемый законъ. Такимъ образомъ, старая тенденція къ закрѣпленію отсталости рус. соц. движенія возродилась въ новой формѣ. Это сказалось также въ отношеніи автора «Что дѣлать?» къ другимъ принципиальнымъ вопросамъ. По первоначальной схемѣ русскаго марксизма важная задача привлеченія союзниковъ пролетаріату могла и должна была быть достигнута соответственной агитаціонной дѣятельностью въ самой рабочей средѣ, постепеннымъ вовлеченіемъ рабочихъ массъ въ политическую жизнь страны, постепеннымъ развитіемъ ихъ политической самодѣятельности, которое тѣмъ самымъ привлекло бы къ нимъ симпатіи союзниковъ». Этотъ путь казался слишкомъ длиннымъ и сложнымъ Ленину и его сторонникамъ. Въ виду этого, онъ въ своей брошюрѣ намѣчаетъ болѣе прямой путь къ цѣли: «Чтобы принести рабочимъ политическое знаніе», пишетъ онъ, «соц.-демократы должны итти во всѣ классы населенія—и въ качествѣ теоретиковъ, и въ качествѣ пропагандистовъ, и въ качествѣ организаторовъ». Мы «должны одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ», «диктовать для нихъ положительную

¹⁾ См. Ленинъ „Что дѣлать?“ стр. 71 и друг.

программу дѣйствій»¹⁾. Утопическая идея «диктованія программы», хотя бы оппозиционнымъ, но все же антагонистическимъ элементамъ общества единымъ центромъ могла возникнуть только въ отсталой обстановкѣ крайне недифференцированной политической жизни и только въ головахъ революціонной интеллигенціи, существующей какъ бы внѣ классовъ и надъ классами. По мѣрѣ же развитія неизбежной политической дифференціаціи это стремленіе должно было привести и дѣйствительно привело къ двойному результату: съ одной стороны, стиралась грань между различными революціонными элементами, которые временно выдвигали болѣе или менѣе общую программу дѣйствій и выставляли болѣе или менѣе однородныя политическія требованія; съ другой, совершенно скидывались со счета революціи и зачислялись въ силовую реакціонную массу тѣ буржуазные элементы, которые подъ этой единой программой не могли или не хотѣли подписаться. Задача привлеченія союзниковъ такимъ способомъ неизбежно должна была превратиться въ свою противоположность—въ ихъ отталкиваніе.

Весь этотъ продуктъ подпольнаго кружковаго мышленія вѣнчался задачей «подготовки, назначенія и проведенія всенароднаго вооруженнаго возстанія»²⁾, причемъ, соотвѣтственно крайнему упрощенію всей политической перспективы, и эту задачу предполагалось осуществить весьма простымъ методомъ. Въ другой брошюрѣ Ленина, появившейся въ то же приблизительно время, авторъ говоритъ: «Наладить, организовать дѣло быстрой и правильной передачи литературы, листовъ, прокламацій и пр., приурочить къ этому цѣлю съѣтъ агентовъ, это значитъ сдѣлать *большую* половину дѣла по подготовкѣ въ будущемъ демонстраціи или возстанія»³⁾.

Всѣ эти взгляды формулированы были впервые Ленинымъ; но они не остались его индивидуальными взглядами. Отражая чрезвычайно неразвитыя общественныя отношенія, въ обстановкѣ которыхъ въ 900-хъ г.г. быстро надвигались революціонныя событія, они нашли себѣ живой откликъ и съ каждымъ днемъ приобретали все большую популярность въ соц.-демократической аудиторіи. Такимъ образомъ, новый крупный шагъ впередъ въ развитіи русской соц.-демократіи былъ купленъ цѣной новаго поворота—къ *бланкизму*.

Сова Минервы вылетаетъ ночью, и указанная бланкистская тенденція привела къ расколу партіи на двѣ части—«большинство» и «меньшинство», какъ разъ на съѣздѣ 1903 г., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда искровцамъ, строившимъ партію, казалось, что ихъ трехлѣтней борьбой съ оппортунизмомъ достигнуто было, наконецъ, подлѣйшее идейное единомысліе въ соц.-демократіи. Расколъ произошелъ исключительно по организаціонному вопросу и только впоследствии для обѣихъ сторонъ выяснилось, что подъ организаціоннымъ разногласіемъ скрывалось глубокое расхожденіе по принципиальнымъ политическимъ вопросамъ. Въ задачу настоящей статьи не входитъ описаніе борьбы между

1) Ibid стр. 59, 61, 64.

2) Ibid. стр. 136.

3) См. Ленинъ. „Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ“, стр. 11, курсивъ автора.

«большевиками» и «меньшевиками», заполнявшую идейную жизнь соц.-демократической партіи отъ 1903 г. по настоящей день. Отмѣтимъ лишь, что «меньшевики», при своихъ тактическихъ построеніяхъ, держались тѣхъ вѣхъ, которыя въ общихъ чертахъ намѣчены были еще «Гр. О. Т.» въ 90-хъ г.г. и которыя правильно опредѣляли общее направленіе и конечныя тенденціи русскаго револ. развитія; «большевики» же, болѣе чувствительно отражавшіе «вѣяніе времени», больше приспособлялись къ тому зигзагу, который стихійно продѣлало это развитіе въ истекшемъ періодѣ. Благодаря этому, «большевики», подчиняясь логикѣ революціоннаго интеллигентскаго подполья, начавши съ гегемоніи «профессіональныхъ революціонеровъ» и съ технической подготовки возстанія изъ единого центра, пришли къ истребительной войнѣ съ буржуазнымъ либерализмомъ, какъ съ контръ-революціонной силой, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ началъ, наконецъ, складываться въ оппозиціонную политическую партію.

Подчиняясь той же логикѣ, они пришли къ сближенію съ соц.-революціонерами, которыхъ старые искровцы честили «революціонными авантюристами», и къ идеѣ «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Союзъ между соц.-демократами и либералами для борьбы съ народничествомъ, который *фактически* заключенъ былъ въ серединѣ 90-хъ годовъ, въ слѣдующее десятилѣтіе смѣнился, такимъ образомъ, фактически союзомъ между соц.-демократами большевистскаго толка и революціонными народниками для борьбы съ либералами. Это былъ съ внѣшней стороны поворотъ въ 180°. Въ дѣйствительности, какъ мы говорили вначалѣ 2-ой главы, оба эти теченія—«экономизмъ» 90-хъ г.г. и «большевизмъ» 900-хъ, имѣютъ много родственнаго и одинаково свидѣтельствуютъ объ отсталости русскихъ общественныхъ отношеній, дѣлающихъ особенно затыжными и мучительными роды русскаго буржуазнаго строя.

А. Мартыновъ.